

В.Я. Ярошенко

Книга
СКАЗОК

КОНСТАНТА
Белгород, 2014

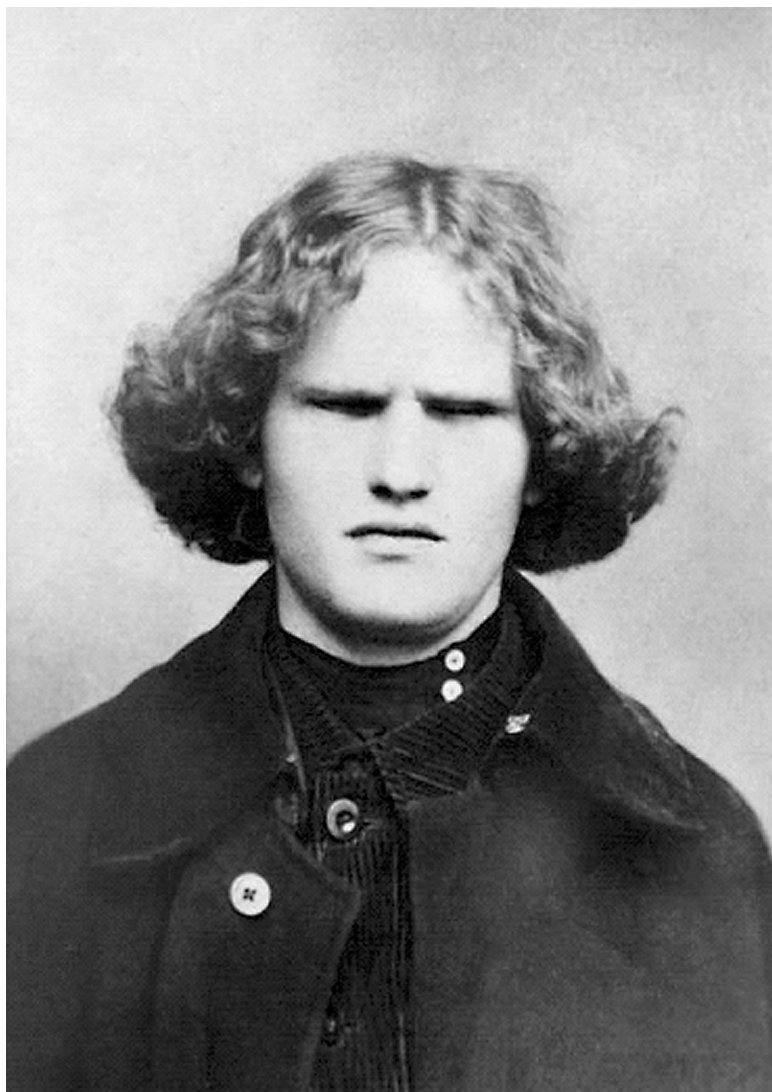
ББК
Е 76

Ерошенко, В.Я.

Е 76 Книга сказок / В.Я. Ерошенко. – Белгород : КОНСТАНТА,
2014. – 148 с.

© Ерошенко В.Я., 2014

© Издательство «КОНСТАНТА», 2014

Василий Яковлевич
Ерошенко
1890-1952

Предисловие

Сказки господина Ерошенко, собранные в один сборник, предстанут перед китайским читателем. Это моя давняя мечта, поэтому я полон слов благодарности и преисполнен радости.

В данном сборнике представлены двенадцать произведений, из них «Один рассказ о моей школьной жизни» и «Башня, построенная для того, чтобы упасть» были переведены господином Ху Юйчжи, «Страна Радуги» – господином Фу Цюанем, остальные – мной.

Первыми для перевода я отобрал первые шесть произведений из его первого сборника «Песнь предутренней зари», «Две смерти» я взял из второго сборника «Последний стон», «Ради человечества» – из журнала «Современность», а «Мировой пожар» я переводил с оригинала рукописи.

По собственному желанию я перевел «Тесную клетку», «У пруда», «Сердце орла» и «Сон в весеннюю ночь», остальные произведения были отобраны в соответствии с пожеланиями господина Ерошенко. Поэтому, я понял печаль человека, который мечтает, чтобы люди любили друг друга, но не может осуществить свою мечту. Мне открылась его детская, прекрасная, и вместе с тем реальная мечта, эта мечта, возможно, – вуаль, скрывающая печаль. Я тоже мечтатель, но мне хотелось бы, чтоб автор никогда не расставался со своей детской, прекрасной мечтой, а еще мне хотелось бы позвать всех людей погрузиться в эту мечту, увидеть настоящую Радугу, и понять, что мы не лунатики.

28.01.1922

Лу Синь

Один рассказ о моей школьной жизни

Я – слепой. Когда мне было четыре года, я ослеп. Я рыдал, кричал, но покинул мир дня, света, ярких красок и бесконечной надежды и превратился в гражданина темного «царства ночи». Было это хорошо или плохо? Я не знаю. Мне казалось, что ночь длится и длится, и будет длиться вечно – вплоть до окончания моей жизни. Проклинал ли я ее? Нет, ни в коем случае! Известный слепой писатель Хоукс когда-то писал в своей книге «По темному пути»: «Полуденное солнце показало мне мир и все самое удивительное в нем, а ночь показывает мне вселенную, бесчисленные звезды, бескрайнее пространство, величие и удивительность жизни. День показывает мне всего лишь мир человека, а ночь – вселенную Бога, и хотя ночь доставляет мне боль, а иногда приносит горе и глубокую тоску, но в ночи я могу слышать, как поют вместе все звезды, в ночи я могу познавать природу и в ней находить Бога».

Так когда-то говорил Хоукс; еще в детстве он потерял одну ногу, а к пятнадцати годам ослеп, однако впоследствии он написал множество книг о жизни животных и

стал одним из самых известных натуралистов Америки. Могу ли я сказать так же, как и он? Если бы я, как и он, жил в уютном и прекрасном доме в лесу, окруженный многочисленными до-мочадцами, то, возможно, мог бы говорить так же. Однако же, хотя я и преклоняюсь перед красотой природы, но почти постоянно живу в таких крупных городах, как Москва, Лондон, Токио. В шуме этих городов ночь не дает мне слышать пение звезд, не может научить меня познавать природу и, тем более, находить в ней душу. Ночь научила меня другому, но сейчас я не буду говорить об этом, а расскажу о том, чему учили меня в школе.

Когда мне исполнилось 9 лет, я был отправлен в московскую школу для незрячих детей. Казалось, что школа эта изолирована от всего мира. В свободное от занятий время ученикам запрещалось выходить за пределы школы, и даже поездки к родителям были под запретом. Целый день мы были под присмотром учителей, у нас не было ни одной свободной минутки.

Однажды учитель рассказал нам, что поверхность Земли огромна, поэтому, хотя людей очень много, но они все могут найти на ней свое место. Мой друг по фамилии Лапин, одиннадцатилетний мальчик, спросил: «Если поверхность Земли такая большая, то почему же мой отец не может получить небольшое пастбище и все время арендует его у графа Орлова?» Так как вопрос, который задал Лапин, был «глупым», то он был наказан учителем. В нашей школе мы могли задавать учителю только «умные вопросы».

Через некоторое время учитель спросил Лапина: «Ты только что задал «глупый вопрос», ты это понимаешь?»

Сначала Лапин не понимал, и поэтому учитель заставил его стоять до тех пор, пока он не поймет. Спустя полчаса Лапин все-таки осознал глупость своего вопроса, и учитель разрешил ему сесть. После окончания уроков я спросил Лапина, в чем же была глупость его вопроса. Он ответил, что не знает. Тогда я спросил: «Но ты ведь только что сказал, что понял?» Он сказал: «Я понял то, что быть наказанным и стоять из-за вопроса – глупо».

Учитель также рассказывал нам, что в мире существует много рас – например, белая, желтая, красная, черная. Но самой цивилизованной является белая раса, самые дикие – черная и красная. Услышав это, Лапин опять встал и спросил: «Мы называемся самой цивилизованной расой только из-за того, что у нас белая кожа?» Другой ученик тоже встал и спросил: «Летом многие люди загорают на солнце дочерна, это значит, что они становятся дикими?» Учитель сказал, что оба эти вопроса «глупые», Лапин и другой ученик были наказаны и должны были стоять до тех пор, пока не поймут, в чем их глупость.

Рядом с нашей школой располагался дом господина Перлова. Господин Перлов был директором в самой крупной российской чайной компании, которая ввозила чай из Китая в огромных количествах. Однажды в Москву прибыл известный китайский дипломат Ли Хунчжан¹, и Перлов принимал его у себя дома. Узнав о том, что рядом с его домом находится наша школа, Ли Хунчжан захотел посетить ее. Он пришел к нам в традиционной китайской одежде и с косичкой на затылке и был так любезен, что разрешил нам потрогать и одежду, и косу. Я знал, что он

¹ Ли Хунчжан (1823-1901) – один из самых известных и влиятельных сановников при дворе империи Цин в Китае 19-го века.

принадлежит к «желтой расе», и поэтому крепко пожал ему руку, тщательно ощупал ее, пытаясь найти то, чем различаются руки представителей белой и желтой расы. Через пару минут я спросил учителя:

«Ли Хунчжан правда принадлежит к желтой расе?»
Учитель ответил, что это правда.

«Чем же тогда отличаются руки людей белой и желтой расы? Я не нашел никаких отличий».

Лапин тоже спросил: «Раз Ли Хунчжан относится к желтой расе, то он должен быть более дикий, чем мы. Но мне кажется, что он даже более доброжелательный, чем Михаил» (Михаил был школьным слугой, которого мы все ненавидели).

Пока мы говорили, переводчик, прибывший вместе с Ли Хунчжаном, сказал ему пару фраз, от которых Ли Хунчжан рассмеялся. А после того, как он уехал, мы с Лапиным были сурово наказаны за неуважение к дорогому гостю. Нам запретили есть до тех пор, пока мы не осознаем свою неучтивость. С наступлением вечера мы осознали свою невежливость и смогли поужинать вместе с другими учениками. Идя на ужин, я тихонько сказал Лапину, что я трогал руку Ли Хунчжана, относившегося к желтой расе, и его рука была мягче, чем рука нашего директора, относящегося к белой расе. Лапин шепотом ответил: «Мне кажется, что Ли Хунчжан не только более приветлив, чем Михаил, но и более цивилизован, чем наши белые учителя». В столовой учитель приказал нам с Лапиным встать и спросил: «Идите сюда и скажите всем, о чем вы только что шептались!» К сожалению, в то время мы еще не обладали способностью говорить неправду, не умели быстро выдумать ложь и, дрожа от

страха, честно рассказали все, о чем говорили. Естественно, когда учитель услышал, он страшно разгневался и заставил нас стоять на коленях на страшно холодном каменном полу. Он сказал, что до тех пор, пока мы не осознаем свои ошибки, вставать нам запрещено. И только к полуночи, так и не поев, мы наконец поняли наши ошибки. Мы вспомнили все странности и все дурное, что обычно нам говорил учитель о китайцах, и все это взвалили на голову бедного Ли Хунчжана. Поочередно мы начали говорить: «Ли Хунчжан в действительности не так цивилизован, как наш учитель, не так умен, у него странная юбка и комичная косичка. Наверняка в детстве он прибинтовывал ноги к маленьким деревянным башмачкам и теперь его ноги такие маленькие...»

Наш одноклассник выкрикнул: «Нет, так делают только китайские девочки!»

Лапин не сдавался: «Какая разница? Если бы Ли Хунчжан был девочкой, то делал бы то же самое».

Одна наша одноклассница закричала: «Я думаю, ни одна девочка не захочет бинтовать ноги, это все воля родителей». Но Лапин все не мог согласиться: «Если бы девочки стали родителями, они все равно поступали бы так же». Все рассмеялись, а мы продолжали перечислять доказательства нецивилизованности Ли Хунчжана.

«Учитель часто говорит нам, что китайцы – это восточные евреи, и Ли Хунчжан, значит, тоже восточный еврей. Он печется только о своей выгоде, больше всего на свете он любит деньги, ради денег он продаст все, что угодно и кого угодно...»

Когда я это сказал, Лапин вошел во вкус и продолжил: «Евреи когда-то продали Иисуса за тридцать сребренников,

и восточный еврей Ли Хунчжан за тридцать сребренников – если никто не предложит более высокую цену – тоже продал бы Иисуса». Все опять рассмеялись, и мы, воодушевленные, продолжили: «Ли Хунчжан любит смотреть публичные наказания и казни на площадях, у него много жен, любит он только сыновей, а о дочерях не заботится. Когда рождается сын, он принимает поздравления, но если родится дочь, то он не рад. Он ездит на людях, в чай не кладет сахар, черных котов Ли Хунчжан ест на завтрак, щенков и червей – на обед, жаренных в меду мышей – на ужин. Поймав вошь, он кладет ее в рот и раскусывает зубами...»

«Хватит, хватит!» – закричали учителя. Некоторые из них ели суп, и их затошнило от наших слов. Тогда учитель пощадил нас и разрешил поужинать. В столовой повсюду был слышен смех и веселье, а мы сидели удрученные, слезы катились по щекам, капая в суп, и нам даже не хотелось его пробовать.

«Вас же простили, почему вы плачете?» – несколько раз учитель задавал нам этот вопрос, но мы ничего не отвечали. Увидев, что мы ни к чему не притронулись, забеспокоился, подошел и спросил: «Что с вами? Почему вы плачете и ничего не едите?» Лапин ответил: «Мы сами себя наказали, а ничего не можем есть, потому что были слишком злы и несправедливы по отношению к желтому Ли Хунчжану». Учитель ничего на это не сказал.

Той ночью мне приснился Ли Хунчжан, на нем была необычная юбка и смешная коса на голове, но он был все такой же приветливый, а его рука – такая же мягкая и приятная!

Учитель рассказал нам, что во всех странах есть правящий самодержец. Если бы не было самодержца или

другого правителя, то, как и в школе при отсутствии заведующего учебной частью, такая страна не могла бы развиваться. Услышав это, мы невольно рассмеялись, ведь для нас самыми веселыми были дни, когда заведующий болел. В такие дни мы могли спокойно развлекаться, могли играть в любые интересные игры и рассказывать любые забавные истории. Увидев улыбки на наших лицах, учитель рассердился: «Ничего смешного в том, что я рассказываю, нет. Почему вы смеетесь? Смех без причины – признак дурачины!» После этого мы замолчали.

Учитель продолжил рассказ: «Поговорим о России. У нас есть один царь, на голове у него драгоценная корона, одет он в роскошные царские одежды, восседает на троне и в руке держит скипетр...»

Тут Лапин прервал учителя: «А что если на голове у царя нет короны, он не одет в роскошные одежды, а в руке нет скипетра, можно ли тогда понять, что он – царь?» Это был «глупый вопрос». Лапина опять должны были наказать, но он начал спорить: «Но, учитель, если мы не видим корону и скипетр, то как нам все-таки узнать, царь перед нами или нет?» Это был особенно глупый вопрос, и Лапина заставили стоять на полу на коленях.

Учитель продолжил рассказ: «Кроме царя у нас в стране есть еще дворяне. Мы должны почитать их, повиноваться им, потому что они – аристократы, а мы – низшее сословие».

В этот момент Лапин стоял на коленях, и больше никто не задавал глупые вопросы, и только одна девочка из нашего класса, внезапно вспомнив что-то, спросила: «Однако Лангхоф (слепой мальчик из дворянской семьи,

учившийся в нашей школе) родился в семье барона, его тоже должны почитать и повиноваться ему?» И это тоже был глупый вопрос, за который ее оставили стоять.

Учитель опять продолжил: «Как и в школе, где есть такие, как Лапин, плохие дети, которые постоянно издеваются над учителем и выступают против него, так и в стране есть нехорошие люди, которые все время ищут возможность выступить против правительства. Эти негодяи называются «социалисты», «анархисты»... Мы должны относиться с подозрением, страхом и ненавистью к таким людям».

Но никто из нас не боялся Лапина, и никто не относился к нему с ненавистью, наоборот, все любили его, даже больше чем кого бы то ни было. Я подумал, что если негодяи в стране так же хороши, как негодяи школы, то я их не буду бояться.

Через какое-то время после этого урока великий князь Сергей Александрович, дядя царя Николая Второго, вдруг вспомнил, что ему надо нанести визит к нам в школу. В то время он занимал пост московского генерал-губернатора (генерал-губернатор – высший чин в губерниях, в России было только два генерал-губернатора – один в Санкт-Петербурге, а второй – в Москве), в его руках была сосредоточена вся военная и гражданская администрация. Подготовка к его приезду началась еще за неделю, начали готовить и школу, и учеников в ожидании особого гостя. Полиция и солдаты были в школе, в саду и на всех прилегающих к школе улицах, чтобы предотвратить нападение анархистов или революционеров (спустя два-три года великий князь Сергей Александрович был убит бомбой анархиста).

В тот день все было готово, мы ждали звонка, чтобы всем вместе отправиться в главный холл и построиться для встречи. Однако звонок прозвучал за десять минут до назначенного времени. Я подумал, что дежурный сделал это из лести, и не слишком торопился, поэтому лишь спустя десять с лишним минут я покинул свою комнату и направился в холл, как вдруг меня остановил незнакомец и спросил: «Куда ты идешь?»

Я ответил: «Я иду в холл встречать дядю императора».

Он спросил, обедал ли я. Я ответил – обедал. Он снова задал вопрос о том, вкусный ли был обед. Я сказал:

«А если невкусный, вы что, дадите мне другой, вкусный?»

«Естественно, что тут такого», – ответил незнакомец.

«Тогда вам придется мне каждый день давать обед и ужин, так как все обеды и ужины невкусные».

Незнакомец рассмеялся: «Хоть ты и незрячий, но все равно очень любишь людей, ведь так?»

«Конечно! Я никогда не видел своих друзей, но очень люблю их»

«А я тебе нравлюсь?»

«Я вас не знаю, но если бы знал, то вы бы мне не понравились, а сейчас у меня нет времени и желания с вами беседовать, потому что скоро должен приехать дядя императора».

Договорив, я помчался в главный холл. После мне рассказали, что когда я разговаривал с тем человеком, учитель то бледнел, то краснел, то чернел, прямо-таки застыл от страха. Оказалось, что тот незнакомец, с которым я говорил, и был великий князь, во время разговора он дал знак рукой, запрещая вмешиваться,

поэтому я и не понял, кто он. После отъезда великого князя меня посадили в карцер, и шло обсуждение моего отчисления.

«Как ты смел так грубо разговаривать с князем?» – строго допрашивал меня учитель.

«Но я даже и не предполагал, что это сам великий князь!»

«Как это не предполагал? Даже если ты не мог видеть его дорогое одеяние и роскошный орден, которого больше ни у кого в России нет, ты мог бы почувствовать его величие, рядом с ним стояли два телохранителя-черкеса (черкесы – один из кавказских народов, они известны своей преданностью и смелостью, многие российские аристократы царского рода нанимают их в качестве телохранителей), позади – множество адъютантов и офицеров, если ты всего этого и не видел, то мог бы почувствовать!»

«Но я, правда, не почувствовал! Я думал, что этот незнакомец – один из полицейских, находящихся в школе, такой же бездушный».

Однако потом учитель простил меня, так как я быстро осознал, насколько был неправ, и только мой друг Лапин сказал, что даже если бы у великого князя на голове была корона, в руке – скипетр, а рядом – вся гвардия Петербурга, то все равно никто бы и не подумал, что это великий князь, а, возможно, всего лишь грубый солдафон.

Выше я уже говорил о том, что наша школа была изолирована от остального мира, однако раз в неделю учитель и школьный служитель водили нас в публичную баню, которая арендовалась специально для нас на два-

три часа. Однажды по пути в баню мы с моим другом Лапиным замешкались и очутились в конце колонны, на некотором отдалении от остальных – в двадцати-тридцати футах. Служитель присматривал только за теми, кто шел впереди, поэтому ничего не заметил. Когда мы с Лапиным переходили улицу, какой-то человек задал нам вопрос, и мы остановились.

Тот человек спросил: «Хорошие мальчики, а знаете ли вы, куда вас ведут?» Неохотно мы стащили с голов шапки и почтительно поприветствовали незнакомца, а потом вежливо ответили: «Да, уважаемый господин, учитель ведет нас в баню».

Незнакомец загадочно улыбнулся: «Зачем? Мыться?»

«Да, уважаемый господин, мы идем мыться, так как учитель говорит, что тело за две недели становится грязным и надо мыться».

«А ваш учитель говорил вам, что душа тоже становится грязной через несколько недель?» – спросил незнакомец.

Мы ответили: «Этого учитель нам еще пока не говорил».

Он засмеялся и снова спросил: «Человек легко может запачкаться, достаточно и одной минуты, это вы понимаете?»

«О да, уважаемый господин, если мы в плохую погоду выходим в сад, то моментально пачкаемся, ведь до чего не дотронешься, куда не ступишь – везде одна грязь, но учитель тогда только наказывает нас, делает внушение, но не ведет в баню».

Незнакомец, услышав это, сказал: «В наше время везде плохая погода, до чего не дотронешься, куда не сту-

пишь – тут же пачкаешься, однако учитель не ведет нас мыться в баню, а только читает нам нотацию и наказывает нас».

Была последняя декада августа, погода была теплая и сухая, дождя не было уже две-три недели, поэтому нам были непонятны эти слова незнакомца. К этому моменту нас уже окружала толпа, и, увидев наш недоуменный вид и полуоткрытые от удивления рты, люди невольно засмеялись. Тут поспешно подбежал учитель с двумя школьными служителями и, дав нам несколько пощечин, гневно сказал: «Вас нужно как следует наказать! Я вам много раз говорил, что нельзя разговаривать с нищими! А вы сейчас на глазах у всех, посреди улицы, делаете из себя посмешище! Зачем вы сняли шапки перед этим грязным босяком? Эх вы, неисправимые слепцы!»

Крича это, учитель вместе со служителями яростно тащил нас к колонне остальных учеников.

В бане учитель крикнул нам идти в отдельную комнату, в руке он держал линейку для наказаний и сказал, что должен хорошенько наказать нас, потому что мы подрываем репутацию школы. Он сказал: «Когда москвичи услышат, что ученики уважаемой школы для слепых разговаривают на улице с нищими, что они скажут? Что они подумают об учителях? А такого ужасного попрошайки я никогда в жизни не встречал, у него длинные и грязные ногти, одет в рваное, грязное тряпье, волосы растрепаны, с головы до босых ног весь черный от бесчисленных вшей...»

Линейка яростно взлетела вверх и изо всех сил опустилась на мою обнаженную спину, второй удар достался Лапину, третий – опять мне.

Я стиснул зубы, не осмеливаясь ни стонать, ни кричать, но Лапин после второго удара заорал: «Но, учитель, мы же не знали, что тот незнакомец – такой ужасный нищий!»

«А вы думали, он кто?»

Лапин тихо ответил: «Я думал, это великий князь...»

Тут я добавил: «Мы думали, что у него на груди – роскошный орден, какого нет больше ни у кого...».

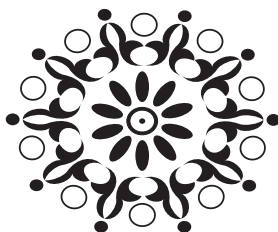
Из горла учителя вырвался странный звук, в котором нам послышался то ли вопрос, то ли изумление, то ли страх. Линейка выпала из его рук на пол. Мы поняли, что в этот миг учитель в первый и, наверное, в последний раз увидел «царство ночи» и князя из этого «царства ночи» – с головы до босых ног черного от бесчисленных вшей, но с роскошным орденом на груди, второго такого нет ни у кого в России...

После возвращения из бани в школу мы ожидали сурового наказания, однако учитель ничего не сказал, вероятно, потому что он не осмеливался рассказать об этом директору школы, ведь из-за его халатности ученики разговаривали с нищим, и если бы директор узнал об этом, то первым получил бы выговор сам учитель.

Скажу несколько слов в заключение: первое, чему научила меня «ночь», это подвергать сомнению все и вся. Она научила меня не верить ни одному слову учителя, не верить приказам власть имущих. Я не верил ничему, я сомневался в любом авторитете, я даже сомневался в «доброде ангелов» и «злобности черта», я не верил правительствам и обществу, полагающемуся на эти правительства. Но других слепых ночь научила верить в истинность всего, выполнять свой долг. Большая часть моих друзей верила словам учителя, повиновалась приказам власть имущих, ни в чем не сомневалась. Такие люди заняли определенное

положение в обществе, некоторые стали музыкантами, некоторые – учителями или рабочими. Они женились, завели детей и теперь ведут спокойную и счастливую жизнь. Что же до меня, то у меня нет ничего, я и теперь странствую по свету, из страны в страну, не веря ничему. Кто может утверждать, что в один проклятый день я не буду стоять в темном углу улицы, став тем князем «царства ночи»? Кто может утверждать, что я не буду стоять с вытянутой рукой и просить подаяния?..

(перевод на китайский – Ху Юйчжи)

Тесная клетка

Тигр устал...

Каждый день, каждый день одно и то же...

Тесная клетка, узкая полоска неба, видимая через решетку клетки, все, что видно, – это опять-таки клетка...

Эти ряды клеток так близки, их так много, кажется, что за стенами зоопарка – конец света.

Эх, тигр устал... Тигр очень устал...

Каждый день, каждый день одно и то же...

Эти тупые лица посетителей, тупой смех, тошнотворный запах...

«Эх, если бы только можно было не видеть эти глупые, грубые лица, не слышать этот тупой смех...»

Но эта тупая толпа была везде, куда не кинешь взгляд, слишком близко, слишком близко, и не было ей конца, и если выбраться за стены зоопарка, она следовала бы по пятам до конца света. Этот грубый смех, казалось, будет звучать всегда, пока существует Вселенная.

Эх, тигр устал... Тигр очень устал...

Тигр свернулся клубком, словно котенок, спрятал голову и, дрожа от отвращения, подумал: «Эх, неужели жизнь тигра заключается только в том, чтобы смотреть

на эти лица? Так называемая жизнь заключается в том, чтобы слушать этот глупый смех?..»

Из его груди вырвался тяжелый горестный вздох.

«Эй, тигр плачет!» – посетители кричали и один за другим стали подбегать к клетке поближе.

От ненависти и гнева по телу тигра пробежала судорога. Не отдавая себе отчета, он яростно ударил хвостом об пол клетки.

Он вспомнил то время, когда он жил на свободе, в глубине того леса, в котором под тысячелетним деревом появился каменный бог, увитый цветами. Туда начали приходить люди из разных далеких деревень, забыв о близости тигра, они падали на колени перед этим каменным богом и спокойно молились.

Иногда слышались вздохи, иногда слезы падали на цветы, смешиваясь с росой, они непонятным образом слегка светились в сиянии луны, подобно волшебной жемчужине, или, полные радости, скатывались по цветам, или в задумчивости, мерцая, застывали на кончиках листьев, и такое различие слез людей и ночной росы было для тигра в то время любимой забавой.

Однажды ночью он попробовал лизнуть слезу человека, упавшую перед каменным богом и загадочно переливавшуюся, подобно самоцвету. Тогда он еще не знал, что для бога нет высшего подношения, чем слезы, которые дороже драгоценных камней. Он лизнул всего капельку – на пробу, и в ту же ночь его поймали. Он подумал, что это наказание от каменного бога.

Сейчас при одной мысли об этом у тигра начинала до слез болеть душа. Он научился вставать на колени, как это делали люди перед каменным богом, и произносить молитву:

«Боже, только бы не видеть эти глупые лица, только бы не слышать этот глупый смех...»

Пока он молился, не заметил, как глупый смех постепенно затих вдаль, подобно весеннему сну исчез в сумерках; тигр повернул уши в сторону, но услышал только шум прохладного горного ручья, более того, толпа отвратительно пахнувших людей тоже исчезла, воздух наполнился ароматом цветов.

Тигр ошеломленно открыл глаза и в растерянности посмотрел по сторонам.

Кто может представить радость тигра! Клетка, сдерживавшая его, глупые тени людей – все это исчезло. Он лежал под тысячелетним деревом перед каменным богом, покрытым цветами. Слезы людей по-прежнему сверкали в свете луны, таинственно поблескивая на цветах.

Сейчас он вспомнил, что заснул, когда собирался лизнуть слезу.

«Ох, какая радость, оказывается, это был всего лишь сон! Эх, как я рад!»

Тигр вскочил, хвостом отряхнул бока и в свете луны радостно помчался вперед, грудь дышала свободно, все тело, вплоть до мельчайшего волоска, было наполнено невысказанной силой, он весь дрожал.

«Ох, какая радость! Я-то думал, что тесная клетка и тупость людей настоящие, а оказалось, это всего лишь отвратительный сон. Нет ничего отвратительнее клетки.

Только это истинно, только это, я не забуду об этом до самой смерти», – с такими словами тигр безо всякой цели шел по лесу.

Он прыгал, шел, катался как мячик по траве, вертелся, он и сам не знал, сколько километров он прошел

таким образом, а когда собрался уже выйти на равнину, он уловил необычный запах. Он мгновенно остановился, пригнувшись, и кончик его огромного носа задрожал, пытаясь понять, что это за запах.

«О, да это овцы! Где же поблизости есть овцы... Такое впечатление, что так давно их не видел...»

Говоря это, тигр мягко ступал лапами по высокой траве, а целью был запах овец.

Через какое-то время он увидел впереди огромную стену загона и услышал раздававшийся оттуда бестолковый шум. Такую же клетку тигр видел сотни раз, он много раз прыгал туда и хватал ягненка или теленка, но сегодня при виде этой клетки в душе тигра разгорелось пламя невероятной ярости.

«Клетка, тесная клетка...»

С этими словами он бросился вперед словно стрела, его рев был страшнее грома, как молния он кидался на ограду. Подобно урагану, сносящему все на своем пути, он обрушился на нее лапами, и клетка, опутанная как паутиной огромными колоннами, пошатнулась.

В одно мгновение эти крепкие, прочные колонны повалились, словно домик из кубиков, который сложил ребенок, и в высокой ограде появились ворота, в которые могла бы проехать повозка.

«Эй, овцы! Милые братья, пойдете в мир свободы, скорее выходите из клетки!» Он с громopodobным рыком продолжал ломать загон. Однако напуганные до потери сознания овцы сгрудились в самый дальний угол загона, не двигаясь и лишь тихонько дрожа. Тигр подумал, что они боятся мира свободы и поэтому вспыхнул от гнева:

«Эх, рабы людей! Подлые рабы! Вам не нужна свобода? Тесная клетка вам ближе свободы? Жалкие рабы!»

Он бросился в толпу трясущихся овец и начал их хватать сильными лапами одну за другой и вышвыривать из загона.

Несмотря на его усилия, выпущенные на свободу овцы начали горестно плакать, как будто их режут тупым ножом, и пытались запрыгнуть обратно. Пастух и сторож были напуганы этой картиной, в недоумении смотрели, сложа руки. Постепенно к ним вернулось самообладание, и они собрались отпугнуть этого тигра. Вдвоем они начали атаку, две или три пули попали в тигра, страшно завывала свора собак и, выждав момент, набросилась на него.

«Овцы, все-таки вы жалкие рабы. Невообразимые существа. Вы хуже тупых собак. Вы никогда не спасетесь».

Тигр словно выплевывал эти слова, только пять или шесть овец убежали из загона в лес, и в тот же миг все исчезло, тигр сидел перед каменным богом и плакал, зализывая раны.

«Эх, как бы мне хотелось не слышать этот горестный плач... Горестный плач раба, который будет звучать до конца мира...»

Тигр шел мимо величественного дворца раджи², он направлялся к опасным горам Гималаям, его путь был долог – он мчался через Бангладеш, где густые леса не знали, что такое топор, через пустынные земли, и к тому моменту, когда он проходил мимо дворца, он уже шел давно. Тигр часто бросал презрительный взгляд на такие высокие каменные стены и глубокие рвы.

² Раджа – знатный человек в Восточной Индии (прим. автора).

Но в этот раз его как будто черт дернул, и он остановился перед рвом. Сердце забилось, стало трудно дышать.

«Клетка, опять тесная клетка!..»

В величественном дворце вели роскошную жизнь двести красавиц, похожих на прекрасные цветы.

Проходившие мимо крестьяне завидовали этим красавицам. Молодые девушки, возвращаясь с полей, останавливались в тени деревьев перед глубоким рвом и, стоя с соломенными коробами на спинах, воображали эту роскошную и разнузданную жизнь, а потом возвращались в свои жалкие хижины. Ну и что? Тигр совершенно ясно слышал вздохи, которые издавали красавицы, тоскуя по свободе.

Он заскрежетал зубами.

Он смотрел на высокую крышу дворца, окруженного оградой, стоя среди деревьев, под ярким солнцем, сиявшим словно золото. За оградой дворец был словно путами окружен глубоким рвом, шириной около десяти метров.

Тигр с детства испытывал отвращение к людям, с самого детства, когда он еще питался молоком матери, но хоть и так, сейчас он не мог сдержаться, стоило ему только подумать об этих девушках за высокой оградой, сердце стучало в груди, и трудно было дышать.

Он пару раз обошел дворец, и, когда стоял перед железными воротами, в растерянности глядя на длинный поднятый мост надо рвом, тигр вдруг услышал, что кто-то идет по дороге.

Тигр прыгнул в кусты, приник к земле, дожидаясь, когда люди подойдут поближе. Пышная процессия, окруженная множеством слуг, вышла из лесу. В центре процессии рабы несли два позолоченных паланкина. Один из них принадлежал радже, второй – двести пер-

вой молодой жене раджи. Тигр, о котором никто и не подозревал, тихонько шел за ними. Он увидел довольное лицо раджи, сияющее от радости, а также двести первую молодую жену раджи, с ног до головы разодетую в шелка и драгоценности, однако лицо ее было спрятано под паранджой, тигр видел лишь блеск ее красивых и нежных, как весна, влажных голубых глаз. Заглянув в эти глаза, тигр невольно задрожал.

«Я точно где-то видел такой же взгляд, точно. Эти красивые, но грустные глаза дрожащей от страха... О! Точно!»

Тигр печально рассмеялся. Этот взгляд был точно такой же, как и у оленей, которых он ловил раньше.

Тигр горестно улыбнулся.

Пока он думал, процессия уже дошла до дворца. Мост медленно опустился, открылись огромные железные ворота. Двести жен раджи, прятавших лица в парандже, улыбаясь, приветствовали этих двух человек.

Мост снова развели, и ворота закрылись. Тигр уловил долгий, долгий звук закрывающегося запора.

Солнце скрылось за западными горами. Вой шакалов означал наступление летней ночи. Крыша дворца растворилась в вечерних сумерках. Тигр, как будто замороженный этой каменной стеной, в полном недоумении застыл на берегу рва.

Не все было под силу тигру. Кто смог бы перепрыгнуть ров шириной почти десять метров и высокую каменную стену?

«Эх, не все мне под силу...»

Прямо перед ним раздался звук, как будто кто-то убегал, а кто-то догонял, тигр уставился на каменную

ограду. Внезапно на стене появилась молодая девушка с красивыми глазами и лицом, закрытым паранджой. На ней был свадебный наряд, босиком она стояла на стене, дрожа от страха всем своим прекрасным телом. Тигр понимал, что она чувствует себя как загнанный им олень.

Девушка собиралась прыгнуть в ров. Но когда она уже собралась прыгать, вдруг увидела на другом берегу странный блеск глаз, неотрывно глядящих на нее. Подбежавший в этот момент раджа схватил ее, как волк оленя, и безжалостно утащил внутрь.

До тигра лишь донесся крик отчаяния, который издавала девушка. Услышав его, тигр забыл обо всем, его тело было как будто в огне, он весь дрожал. Собрав все силы, тигр прыгнул через ров, через пару минут он взобрался по каменной стене, словно огромная кошка. Вскоре он очутился наверху. Тут он постоял немного, а потом исчез во дворце раджи.

За оградой уже наступила тишина, слышен был лишь шум фонтана и тихий шепот цветов... Тигр постепенно успокоился, остановился, его нос подрагивал, как будто он принюхивался к чему-то.

Наполненная ароматами цветов ночь поглотила запах людей, тигр несколько раз вдохнул ночной аромат, уловив запах погони, бесшумно он шел по просторной галерее, а потом заглянул за бархатный полог. В огромном, роскошном зале не было ни души. Тигр незаметно вошел и огляделся по сторонам. Просторное помещение казалось наполненным изумительным светом из-за величественной обстановки и блеска драгоценностей. В большом стеклянном ящике на мраморных ступенях золотая рыбка играла с лунным светом. В одном углу

зала маленькая канарейка тихонько спала на жердочке в роскошной клетке. Увидев это, тигр опять забыл обо всем и яростно взревел:

«Клетка, опять тесная клетка!.. Везде клетки!»

Тигр тихонько прыгнул и оказался возле клетки с канарейкой.

«Канарейка, скорее выходи, иди на волю, лети в свободный мир, прекрасный лес в лунном свете ждет тебя!» Легким толчком лапы тигр сломал полклетки, канарейка испуганно задрожала и забилась в самый дальний угол клетки. Она хлопала крыльями, пытаясь спрятаться.

«Я даю тебе свободу! Скорее лети из этой тесной клетки, лети в свободный мир...»

Но, оказалось, что для канарейки нет ничего страшнее свободного мира, нет ничего более ужасного и неспокойного.

«Жалкая раба людей! Жалкая тварь! Тебе не нужна свобода?»

Тигр вытянул лапу, схватил хлопавшую крыльями канарейку и вытащил ее наружу. Но канарейка уже не дышала... В лунном свете тигр недоуменно смотрел на маленькое тельце.

«Хоть и рабская душа, но милая и красивая...»

Затем, как будто вспомнив что-то, тигр положил мертвую, холодную канарейку в центр зала, в самое светлое место, и тихонько прыгнул туда, где была золотая рыбка. Он смотрел на золотую рыбку сквозь лунный свет в стеклянном ящике.

Рыбка широко открывала рот, пытаясь съесть отражавшуюся в воде луну. Иногда она переворачивалась, сверкая животом, как будто играя с лунным светом.

Глаза тигра выражали сочувствие.

«Бедная маленькая золотая рыбка, я отнесу тебя в просторную и красивую реку Ганг с чистой водой. Я отнесу тебя к свободному бескрайнему морю... Луна там более красива. Мы вместе пойдем в свободный, прекрасный мир...»

Но золотая рыбка от страха ушла на самое дно, как будто для нее не было ничего более страшного, чем воды прекрасного Ганга, нет ничего более ужасного и неспокойного, чем просторное, свободное море.

«Рабская душа, опять раб человека, кругом одни рабы».

Тигр протянул переднюю левую лапу, чтобы схватить золотую рыбку, но рыбка, как будто смеясь над ним, легко ускользнула от него, и это разозлило тигра. Он поднялся на задние лапы, а передние полностью погрузил в воду и начал расплескивать ее.

Несмотря на это, золотая рыбка как стрела снова выскользнула из лап тигра.

«Низкое существо, раб человека!»

Тигр еще более свирепо расплескивал воду, и стеклянный ящик из-за этого потерял равновесие и с громким шумом упал на пол. Испуганный этим шумом тигр инстинктивно отскочил к двери, не прошло и пары минут, как из-за полога в дальнем углу комнаты выскочил одетый в пижаму и вооруженный пистолетом раджа. Одно мгновенье, всего лишь одно мгновенье быстрые глаза раджи смотрели в пронизательные глаза тигра, дрожавшего от гнева...

Резкий выстрел пистолета, рев тигра, потрясший даже фундамент дворца, последний стон человека, пронизанный жаждой жизни.

И снова наступила непостижимая тишина индийской ночи.

Раздавался лишь плеск прохладного фонтана и тихий шепот цветов... На полу роскошного дворца в лунном свете билась в агонии золотая рыбка, двести одна жена раджи замерли, боясь дышать...

Тигр лежал перед каменным богом, зализывая глубокую рану на груди. Грудь, лапы, каждая клеточка тела ныли от боли, но он больше не собирался плакать. Он лишь глубоко, тяжело вздохнул от горя. Он не собирался молить каменного бога, чтоб тот излечил его раны, а лишь с печалью на лице погрузился в размышления. Он больше не собирался, подобно людям, просить каменного бога о помощи.

Снова наступала летняя индийская ночь, черный покров накрывал все вокруг. Далеким вой шакалов означал приближение ночи. Тигр тоже хотел заснуть, но вдалеке слышен был горестный крик птиц. Тревожная ночная тишина не давала тигру спокойно заснуть. Он поднял голову и, наострив уши, уставился вперед.

«Что такое? Возможно, человек...

О, наверное, снова кто-то пришел молиться... Э, оказывается, их несколько...

Несколько? Один, два, три, четыре... Ого, ужас, сколько их пришло!»

Он грустно пытался различить запахи, от этих усилий его нос тихонько подрагивал.

«Ого, а среди них есть кто-то знакомый... Но кто?

Это запах не охотника...

И не дровосека...

И не монаха, живущего на подаяние... А, узнал, это женщина с глазами оленя? А еще есть запах раджи...

Не надо шуметь... Он уже умер... Да, уже умер. А еще среди них брамины, один, два... Что, в конце концов, происходит?

О, тайная организация. Опять собираются сжечь женщину вместе с гробом? Вряд ли они хотят сжечь ту девушку с глазами оленя вместе с гробом раджи...»³

Тигр дрожал, говоря это.

«Так не должно быть.

В любом случае это не должна быть девушка с оленьими глазами»

Он спрятался в тени деревьев, не выдав себя движением. В этот момент легкий ветерок с противоположной стороны принес новые запахи.

«А это что такое?»

Тигр тихонько повел носом и тщательно принюхался.

«А-а, опять люди?

И запах пороха. Хм, это индийские солдаты?

А еще белый человек, возможно, офицер...

Опасность! Кажется, они тайком окружают это место...

Чего же они хотят? Ловят кого-то?..

Не может быть, чтобы они охотились. Вон их сколько.

Наверное, больше сотни человек».

За браминами шла величественная похоронная процессия из двадцати-тридцати человек. Они остановились перед каменным богом, казалось, что брамины и сопровождающие их люди трепещут от страха, они изо всех сил пытались успокоиться, на лицах был написан ужас,

³ Это ритуал сати, согласно которому после смерти мужчины вдову следовало сжечь вместе с его останками. Это старая индийская традиция. После вторжения англичан она была запрещена, но все равно до настоящего времени осуществляется тайно (*прим. автора*).

в панике они смотрели по сторонам. Женщина с оленьими глазами тоже устремила в лес печальный взгляд. Тигр почувствовал, что она ждет кого-то, ждет, что кто-то придет и спасет ее от рук браминов.

«Подожди меня! Ты не знаешь, что я рядом...

Позови меня»

Тигр был доволен, он радостно засмеялся.

Рабы занялись делом, и не прошло и десяти минут, как посреди прекрасного леса они сложили гору из хвороста. Девушка с оленьими глазами продолжала молиться. Этой печальной молитве, казалось, не будет конца. Брамины и остальные заволновались.

«Скорее, скорее! Священный огонь ждет тебя! Дева⁴ ждет твою душу, ждет твою чистую душу!»

Рабы в полной тишине положили роскошный позолоченный гроб раджи на гору хвороста. Девушка с оленьими глазами продолжала молиться, никуда не торопясь. Отчаявшимся взором она всматривалась в летнюю ночь, как будто в поиске кого-то. Тигр радостно засмеялся.

Маленькие глазки браминов булавками сверкали на заостренных худых лицах.

«Скорее, скорее!

Махадева ждет от тебя последнего подношения, ждет выполнения последнего долга перед мужем!»

Рабы держали в руках факелы с пламенем, похожим на языки змей, они ждали сигнала браминов, чтобы поджечь хворост.

Девушка, похожая на оленя, бросила последний взгляд на лес, два брамина почти силой поволокли ее

⁴ Божество, далее в тексте также встречается наименование Махадева (прим. автора).

к горе из хвороста, под колышущейся паранджой тигр увидел ее лицо, которое было белее этой паранджи.

Брамины начали странную молитву. Рабы поджигали хворост.

Легкий дымок, похожий на последний вздох, тихо поднимался над лесом.

Тигр забыл обо всем. Он уже собирался прыгнуть в гущу людей, но в этот момент никем не замеченный красный отряд, словно стрела, вылетел на место погребения. При появлении индийской армии на лицах браминов и их сопровождающих появился ужас, они застыли на месте. А полный радости вскрик девушки, похожей на оленя, казалось, был слышен даже в Гималаях.

«Не меня она ждала, она ждала белого человека».

Он двумя лапами обхватил грудь, чтоб сердце не разорвалось от горя, чтоб полный печали и тоски вздох не вырвался из нее. Белый человек махнул какой-то карточкой, дал приказ, и девушку, похожую на оленя, сняли с костра, и он заключил ее в свои объятия. Увидев это, глаза браминов засверкали, а сердце тигра как будто расколосось от боли.

От ужаса или от гнева один из браминов задрожал всем телом и, вскинув руки над головой, громко закричал:

«Индийские боги! Вы издавна охраняете Индию! Всеми муками ада проклинаяю эту предательницу богов!»

Все сопровождавшие его люди начали повторять за ним: «Проклинаем эту женщину!»

«Проклинаю женщину, которая любит врага Индии, врага индийского народа, которая ослушалась нас, стоящих на службе у индийских богов!»

Сопровождающие в один голос вторили ему: «Проклинаем эту женщину!»

Услышав слова проклятия, девушка, похожая на оленя, задрожала, но белый человек с каждым проклятием прижимал ее все крепче к своей груди. Радостное от победы лицо белого приблизилось к лицу девушки, тигру показалось, что он слышит слова любви.

Рабы сняли гроб раджи с погребального костра, браминов и сопровождающих увели солдаты, белый человек обнимал девушку, и этот летний сон бесследно исчез.

И лишь легкий дымок, похожий на последний вздох, тихо кружился в танце в воздухе.

Тигр подпрыгнул, в душе была невыносимая боль, душа пылала болезненной страстью, которую он никогда не испытывал. Он не издал ни звука, чтобы каменный бог не увидел, и чтобы никто не заметил, как он бросился в высокой траве по следам людей, исчезнувших как летний сон. Летняя ночь постепенно сгущалась. Миллиарды листьев, обрамлявших луну, погрузились в глубокий сон.

Внезапно раздался чей-то пронзительный крик, разорвавший тишину ночи, вслед за этим раздалось два-три выстрела, слышался человеческий крик, как ураган ворвавшийся в тень леса. И снова наступила невообразимая тишина. Тигр тихо вышел на равнину, на дороге видны были следы крови, он взглянул на каменного бога.

«Ничего, или он ничего не ведает, или знает, но не мешает, просто для него стало всего лишь меньше одним белым человеком».

Так говорил он сам себе, прячась в тени кустов. Но у него уже не было смелости идти спать на цветах, что цвели перед каменным богом. Индийская летняя ночь черным покровом накрыла все вокруг, стало очень тихо.

Далекий вой шакалов ознаменовал середину ночи.

Внезапно, разорвав темный покров ночи, из леса перед каменным богом возникла девушка с оленьими глазами, ее белая паранджа была откинута назад, волосы падали на ее бледное лицо, в котором не было ни кровинки. Ее красивые влажные глаза стали символом отчаяния, в нежных руках мелькнул острый серебряный кинжал.

Упав на колени перед каменным богом, девушка хотела вознести молитву, но все, абсолютно все слова молитв вылетели у нее из головы.

Освещенное лунным светом лицо этой девушки, забывшей слова молитвы, каменный бог никогда не забудет. Хотя бы одну фразу, но все ее попытки вспомнить молитву были бесполезны, потому что она их все забыла.

«Меня прокляли именем всех индийских богов, я не покорила воле святых браминов, я полюбила врага Индии, врага всех индийских божеств. Мне остался лишь путь в ад».

Серебряный кинжал ярко блеснул, занесенный над грудью.

Тигр взвыл, как будто острый кинжал вонзился в его грудь. Он выскочил из кустов, одной лапой поднял голову упавшей девушки и вытащил кинжал из ее груди... Каменный бог стоял как и раньше, над последним жертвоприношением девушки, похожей на оленя, кровь из ее раны капала на цветы. Тигр смотрел на постепенно ставшее спокойным лицо девушки и думал.

И тут он со всей отчетливостью понял: люди заперты в невидимые глаза тесные клетки, которые не сломать и сильными лапами. При мысли о клетке тигр снова разгневался.

«Люди – жалкие рабы, они – низменные существа. Но кто же все-таки запирает их в клетки и обращается с ними как с рабами и низшими существами?»

Тигр покосился на каменного бога.

«Нет, не эта штука, он ничего не знает... Но кто же тогда?..»

Капли крови на цветах, смешавшись с росой, отражали лунный свет, загадочно мерцая подобно драгоценным камням.

«Кровь дочери раба яркая словно рубины.

Но неизвестно, какая она на вкус.

Хочется попробовать...»

Тигр снова покосился на лицо каменного бога.

«Ничего, он не узнает, попробую всего лишь капельку, только капельку...»

Он собрался попробовать каплю крови дочери раба, сверкавшую на цветке словно драгоценный камень.

В этот момент и сверкавшая как драгоценный камень капля, и каменный бог постепенно отдалились. Шум прозрачного, чистого родника, тихий разговор тысячелетних деревьев постепенно превратились в гул голосов. Аромат цветов незаметно перешел в тошнотворный запах человеческой толпы.

Широко раскрыв глаза, тигр осмотрелся по сторонам: он лежал в тесной клетке. Тигр посмотрел вперед, вбок – куда не бросишь взгляд, везде видно было лишь тесную клетку и темную толпу тупых лиц, и больше ничего. От разочарования тигр зарычал.

«Тесная клетка и тупые лица людей – оказывается, это и есть факт...»

Зеваки вокруг зашумели, издавая возгласы одобрения: «Тигр рычит! Тигр встает!»

Тигр подпрыгнул, бросился на решетку клетки, но в его лапах уже не было разрушительной силы.

Он издал страшный стон, снова подпрыгнул, головой бросился на решетку и в крови упал на пол.

В этот момент зеваки, разбежавшиеся от страха, опять сгрудились у решетки, радостно смеясь.

«Эх, эти тупые лица и глупый презренный смех...»

Тигр закрыл глаза.

Мысленным взором он увидел лицо каменного бога.

«Каменный бог!

Возьми эту кровь, пусть это будет последним подношением.

Только бы больше не видеть эти тупые лица.

Только бы не слышать этот презренный смех».

Это была последняя молитва индийского тигра индийскому каменному богу.

В этот момент глупый смех постепенно отдалился, превратившись в тихий шепот летней ночи. Вонь толпы сменилась ароматом первобытного индийского леса. Однако тигр уже больше не мог видеть свою любимую землю, каменного бога, многолетние деревья, загадочно сверкавшую, словно драгоценные камни, кровь дочери раба. У него уже не было смелости снова открыть глаза.

(перевод на китайский – Лу Синь)

Горе рыбки

1.

Зима в тот год была очень холодная, и все рыбки, жившие в пруду, как только не страдали. Поначалу тонкий лед день ото дня становился все толще, постепенно подступая к обители рыб. Поэтому карпы, караси, вьюны и другие рыбы собрались вместе, чтобы изобрести способ, как защитить себя ото льда, обсуждения шли полным ходом, однако из-за того, что лед спускался сверху, придумать ничего было нельзя. В итоге этих совещаний не было выдумано иных методов, кроме как надеяться на «приход весны» или просто всем разбежаться в разные стороны. Все рыбки потихоньку вернулись в свои дома.

В том же пруду жили супруги караси. И у них был сынок по имени Карасик. В ту ночь Карасик не мог заснуть даже на четверть часа, он только плакал: «Холодно! Холодно!» Однако под водой не было ни жаровни, ни факелов, ни теплого, многослойного ватного одеяла, и нельзя было надеть два-три ватных халата. Мать Карасика беспомощно размышляла, в этом тяжелейшем положении ей оставалось только утешать

сына: «Не плачь, не надо плакать! Ведь скоро придет весна!»

«Но, мама, когда же придет весна?» – сказал Карасик, подняв на мать заплаканные глаза.

«Уже скоро», – мягко отвечала мать.

«Откуда ты знаешь?» – спросил Карасик, глядя матери в лицо, он немного повеселел.

«Потому что она приходит каждый год», – сказала мать. Карасик погрузился и спросил:

«Но, мама, а если она не придет в этом году, что мы будем делать?»

«Это невозможно, весна обязательно придет», – утешила его мать.

«Но, мама, почему она обязательно придет?» – не понимая, спрашивал Карасик, мать же больше не отвечала, она молчала.

«Но, мама, дедушка Карп говорил, что если весна не придет, то мы все умрем. Это правда?» – продолжал спрашивать Карасик.

«Это правда»

«А тогда, мама, что значит «умереть?»»

«Это значит заснуть навсегда. Тело не будет двигаться, не будет ни голода, ни холода, а душа улетит в далекую страну, где покой и счастье.

В той стране есть огромный и красивый пруд, нет зимнего холода, всегда тепло как весной».

«Мама, правда, есть такая замечательная страна?» – Карасик с недоверием посмотрел на мать.

«О да», – ответила мать.

«А тогда, мама, пойдем же скорее в эту страну!» В ответ на это мать сказала: «В эту страну не могут попасть

те, кто еще живы». Карасик, опять не понимая, спросил: «Почему те, кто живы, не могут туда попасть? Мама, ты не знаешь дорогу?»

«Да, я не знаю дорогу»

«Тогда пойдем искать дорогу, быстрее, пошли скорее!» – Карасик тут же начал собираться.

«Эх, припер к стенке! – выдохнула мать. – Разве я не говорила, что живые туда не могут попасть?»

«Тогда давай скорее умрем, быстрее!»

«Так нельзя говорить».

«Даже если нельзя, давай умрем, потому что мне уже отвратителен наш пруд», – приставал Карасик, не слушая мать с отцом. Такой шум удивил соседа – дедушку Карпа, он примчался и спросил: «Что случилось, братья и сестры?» Мать подробно рассказала, почему Карасик кричит, что хочет умереть. Тогда дедушка Карп сказал Карасику:

«Брат, рыбы пришли в этот пруд не для того, чтобы жить в соответствии со своими желаниями, а чтобы жить согласно словам Бога из той прекрасной страны».

«Дедушка, а что сказал этот Бог?» – спросил Карасик.

«Во-первых, надо быть покладистым, слушаться отца, мать и старших. Во-вторых, любить всех, кто живет в пруду и вне пруда. Следует изо всех сил стремиться к тому, чтобы стать приличной рыбой. Только тогда Бог из той страны позовет тебя жить в том прекрасном и огромном пруду», – сказал старик.

Начиная с этого времени, как бы ни было холодно или голодно, Карасик не болтал ерунды, а только смеялся, ожидая прихода весны.

2.

Наступила весна. Такой искренней и добродетельной рыбы, как Карасик, больше не было ни в пруду, ни в ближайшей реке. Все братья Карпы и сестры Вьюны никого не любили так, как Карасика. Хотя они были намного старше Карасика, но благодаря его добродетели и уму всегда могли играть вместе. Так как была весна, тоненькие ручейки воды устремились из пруда во все стороны, поэтому можно было попасть и в горы, и в лес, и в рощицу, и на поле, и вообще везде. Братья Карпы представили Карасика могучим лесным и горным господам, среди которых был монах с длинными ушами по имени Кролик. Это был великий монах, он никогда не ел втихомолку мясо и вообще не делал ничего подобного. Еще там жила Иволга, только что вернувшаяся из загородного дома, Кукушка и другие певчие птицы. Еще были господа с красивыми прозрачными крыльями, которым очень нравился Карасик. Они рассказывали ему обо всем на свете, а Карасику больше всего нравились рассказы о людях. В одном из них говорилось: «Братья по имени Люди – самые сильные и умные». В этом все мнения были едины. Еще говорили: «Естественно, политик Лис с горы, артистка тетушка Обезьяна, языковед Попугай, социолог Ворон, астролог доктор Филин – все они сильные, но не сравнятся с Людьми».

Некоторые говорили: «Братья Люди, хотя и медленно передвигаются, но не только используют лошадей, а еще и придумали самоходные телеги – автомобили, трамваи, автобусы, велосипеды – все эти удивительные вещи. Они сидят на них сверху и перемещаются быст-

рее, чем кто бы то ни был. Умение плавать у них не слишком большое, а уж летать совсем не умеют, однако братья Люди придумали огненную рыбу и птицу, сидя на которых они могут свободно перемещаться и в воде, и в воздухе. Братья Люди и впрямь удивительные существа!» Карасик не уставал слушать такие слова, он мог слушать их по два-три раза, и чем больше слушал, тем больше ему хотелось встретиться с так называемыми Людьями.

3.

Та весна была радостной. С самого утра Иволга и Кукушка пели соло, сестренки Пчелки и барышни Осы пели все вместе, а Осы еще и танцевали до вечера. Поэт братец Лягушка создал поэтическое общество, выступал с речами до поздней ночи. Карасик тоже присутствовал на этих собраниях, в приятной манере он высказался про «Ту страну».

«Если мы все будем любить друг друга и будем вести счастливую жизнь, то сможем попасть в ту еще более прекрасную страну. В той стране не бывает нехватки зерна, не бывает холодов, и все дела ладятся. Рыбы могут ходить по земле и летать в небе, птицы могут проникать под воду, чтобы плескаться вместе с рыбами». Карасик часто говорил это. Вскоре история про «Ту страну» стала материалом для песен, танцев, выступлений и стихотворений. И даже такие ненадежные существа как Мухи, Дождевые Черви и Пиявки тоже обсуждали «Ту страну».

Когда в сумерках в далекой церкви раздавался звон колокола, братья Рыбы выплывали на поверхность воды, братец Лягушка садился на берегу, сестры Осы устраивались на цветах, – все они в тишине слушали вечерний звон колокола.

Этот звон был молитвой братьев Людей о своих маленьких братьях, о птицах, живущих в ветвях деревьев, о рыбах в воде, о насекомых на цветах, с пожеланием им спокойной и счастливой жизни. Поэтому и рыбы, и Лягушка, и Иволга тоже молились, тоже желая братьям Людям счастья. Эта молитва приносила прекрасный аромат цветов и золотой сумеречный свет, тихо поднимаясь к Богу «Той страны».

В той далекой религиозной общине был один мальчик, похожий на Карасика – такой же умный и добродетельный. Все люди говорили о нем с одобрением. И братец Пес тоже любил его и каждый раз, приходя к пруду пить воду, он рассказывал об этом мальчике. Карасик слушал, слушал и постепенно тоже полюбил его, захотел с ним встретиться и поговорить по душам.

4.

Однажды рядом с прудом раздался какой-то шум. Карасик не знал, что случилось, и только он отправился разузнать, в чем дело, как натолкнулся на братьев Лягушек, которые были крайне возбуждены и громко квакали. Карасик спросил, что случилось, оказалось, что только что, пока монах Кролик, который, как обычно, предавался ме-

дитации, пребывавал в состоянии сна, пришел мальчик из той общины, схватил его за длинные уши и унес к себе домой.

Все были напуганы и ошеломлены, в недоумении смотрели друг на друга и суетились, не зная, куда себя деть. В этот момент прилетела тетушка Ласточка с ужасной новостью – только что этот мальчик схватил Иволгу, которая была слишком увлечена составлением новой песни. Это была пятнадцатая ночь, братья лягушки считали, что хотя ситуация и беспокойная, однако, если не любоваться луной, а пойти спать, то это будет проявлением неуважения к луне, поэтому они, как и обычно, взобрались на гору и открыли собрание поэтического общества. И в этот момент снова появился мальчик, схватил самого выдающегося из поэтов и убежал.

Поэты лягушки перепугались, забыв все сложенные в тот вечер стихи. В ту ночь в пруду никто не сомкнул глаз, различные обсуждения длились до утра. А с наступлением рассвета все вышли наружу, чтобы на всеобщем собрании обсудить, что делать с таким безобразным поведением людей.

На этом собрании Карасик был вместе со своими родителями. Мир казался ему мрачным, он был озадачен. Карасик спросил отца: «Почему мальчик так поступил?» Отец ответил: «Люди, живущие на земле, сильны-то сильны, но иногда поступают коварно. И, кроме того, человеческие дети самые жестокие на свете. Через какое-то время эти дети придут сюда с крюками и сетями, чтобы сыграть с нами злую шутку и заставить страдать». Карасик погрустнел и поспешно спросил отца: «Если дети так поступают, то как же они могут попасть в «Ту стра-

ну»? Как можно их спасти?» Не успел он договорить, как тут же в смятении прилетели сестрички Осы, как будто листья, подхваченные сильным ветром, – с почерневшими лицами и дрожащими крыльями и усиками. Все их окружили с вопросом о том, что случилось. Потихоньку Осы взяли себя в руки, расселись на цветах и начали говорить. История была такова:

Этим утром погода была прекрасная. Отдыхавшие Осы внезапно решили отправиться посмотреть на цветы и прилетели в сад к священнику. Весна уже набирала обороты, в саду – на деревьях и клумбах – распускались красные, белые, желтые цветы. Аромат нектара, казалось, проникал прямо в горло к насекомым. От радости Осы даже забыли, что должны опасаться этого мира, они пели и танцевали, и кто бы мог подумать, что опять явится сынок священника, достанет маленькую сеть и схватит много подружек Ос.

От этого известия поднялся еще больший гвалт. После различных обсуждений результат был таков: дожждаться наступления сумерек, когда прозвонит колокол и люди начнут молиться, попросить золотую Осу слетать в общину и четко все изложить людям, чтобы они урезонили этого ребенка.

Наступили сумерки, собравшиеся животные никак не могли успокоиться и отправиться в свои норки и гнезда. Они заглядывали друг другу в лица, ожидая прилета золотой Осы.

Вскоре вернулась золотая Оса. Глядя на ее печальное лицо, все почувствовали себя не в своей тарелке. Все молчали.

«Сплошное безумие, – сказала Оса, подавленно сидевшая на цветке. – Мы никак не сможем попасть в «Ту стра-

ну». Услышав эти слова, все переполошились, пытаюсь узнать все до конца: «Почему не сможем туда попасть?» «Потому что у нас нет души. Душа есть только у Людей, живущих на земле. И только те, у кого есть душа, могут попасть в «Ту страну». Все еще больше разволновались. Каждый спрашивал: «Это точно?» Или: «Вы не ошиблись?» Оса ответила: «Нет, никакой ошибки нет. Это четко написано в книге божеств «Той страны». Расспросы продолжались: «А куда же мы тогда попадем?» Оса сказала: «Говорят, что мы созданы лишь для развлечения людей и для того, чтобы быть их пищей». Ее глаза были широко открыты от горя, с жалостью и любовью Оса смотрела на остальных. Однако из-за усталости и душевных переживаний она упала вниз. Это был ужасный финал. Все горевали из-за того, что они были созданы и предназначены в пищу человеку. Вспыльчивые братцы Карпы были возбуждены, они кричали: «Чушь, это неправда!», как будто создавший их Бог был рядом. Они подпрыгивали от ярости. А кроткие сестрицы Вьюны упали в обморок и лежали в пруду.

Похороны золотой Осы, умершей ради других, проходили в слезах всех животных и были очень торжественными. Братья Осы сыграли похоронную мелодию, сестры Иволги спели печальную песню «О, горе, дорогой друг!» Дядя Крот вырыл ямку для могилы.

В тот вечер все были печальны, постоянно вздыхали и без умолку повторяли: «Невыносимо жить ради человека!» А потом разошлись по домам.

В ту ночь после возвращения в свой пруд братья Карпы, Вьюны и Лягушки только и делали, что плакали, плакали до самого утра. А когда взошло солнце, никто не вышел его встречать.

Карасик тоже печалился, в сердце у него не было надежды, а когда он плавал там, где не было ни тени других рыб, тот мальчик закинул в воду маленькую сеть. «Он пришел, чтобы схватить нас!» Как только Карасик так подумал, то прямо-таки вспыхнул от гнева, он так задрожал, что по воде пошли волны: «Давай! Лови меня! Сначала поймай меня! Видеть, как хватают и убивают других, намного тяжелее, чем когда убивают тебя самого!» С этими словами он поплыл к сети. Мальчик обрадовался и поспешно схватил Карасика. Дома он положил его к себе на стол. В его комнате на стене висели шкурки Иволги и монаха Кролика, а на столе были разбросаны их останки. В стеклянном ящике были пришпилены булавками пойманные им ранее сестры Бабочки. На разделочном столе лежал пойманный накануне во время любования луной великий поэт Лягушка. Как раз в это время мальчик препарировал его, вынимая сердце, которое билось в предчувствии смерти.

При виде этой картины Карасика чуть инфаркт не хватил, он открывал рот, но ничего не мог сказать лишь только бил хвостом об стол.

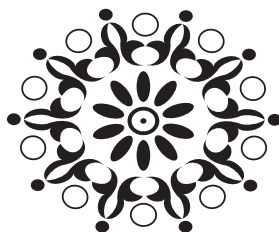
Через какое-то время мальчик также препарировал и его, но обнаружил, что сердце Карасика уже давно разорвалось. Почему сердце этого маленького карасика разорвалось? Никто не мог объяснить мальчику этот непостижимый факт. Ни один человек не мог объяснить мальчику, что сердце Карасика разорвалось от горя.

Этот мальчик впоследствии стал известным анатомом. А пруд становился все меньше, рыб и лягушек тоже становилось все меньше, цветы и травы завяли, а когда в

сумерках слышен был звон церковного колокола, больше никто не выходил слушать его.

С того времени я больше не ходил в церковь, я не хотел молиться Богу, который создал всех животных для еды и развлечения человека, я не хотел в него верить.

(перевод на китайский – Лу Синь)

У пруда

С наступлением сумерек печально зазвонил монастырский колокол. Монахи нараспев читали сутры. Один послушник принес из кухни к берегу пруда остатки монастырской пищи. Карпы и сазаны ели крошки и выплывали на тихую вечернюю гладь пруда; они слушали сутры, которые читали монахи, солнце, словно пурпурный корабль, погружалось в золотое море. При виде этой картины жалобно заплакала осенняя цикада.

Родившиеся только сегодня две бабочки, золотая и серебряная, увидев, что солнце садится за море, тут же начали кричать.

«Мы не можем жить без солнца! Что же это такое?»

«Эй, уже становится холодно, нельзя ли как-нибудь заставить солнце не уходить?»

В траве у пруда жил старый сверчок. Услышав крики молодых бабочек, он не выдержал и рассмеялся.

«Хе, какая бессмыслица! Завтра взойдет новое солнце!»

«Может оно и так, но разве не жаль, что ушло это солнце?» – сказала золотая бабочка.

«Не жаль, потому что это повторяется каждый день».

«Но разве это не расточительство – то, что оно каждый день уходит? Все-таки надо что-то придумать».

«Не стоит совершать бессмысленные поступки, разве так можно? Да и к тому же завтра солнце ведь опять взойдет»

Однако молодые, только сегодня родившиеся бабочки не могли понять настрой сверчка, обладавшего знаниями и жизненным опытом.

«В любом случае я не могу смотреть на то, как солнце уходит» – сказала золотая бабочка.

«Возможно, это будет и бесполезно, но надо сперва слетать туда, попробовать что-нибудь сделать, – золотая бабочка тогда сказала серебряной: Получится или нет – никто не знает, но мы с тобой постараемся, чтобы в этом мире не осталось ни одной минуты без солнца. Ты лети на восток, сделай все возможное, чтобы солнце завтра вышло пораньше, а я полечу на запад и буду уговаривать сегодняшнее солнце остаться. Мы будем действовать с двух сторон, не может быть, чтоб одна из нас не преуспела!»

Одна лягушка услышала, что говорили бабочки, она вылезла из своего сырого укромного уголка в поисках пищи.

«Кто это говорит такую ерунду? Я тебя съем! В мире есть только одно солнце, и достаточно! И так нестерпимо жарко. В пруду воды уже почти не осталось, вы это знаете? Если вернется сегодняшнее солнце, да завтрашнее выйдет пораньше – в мире будет два солнца, и что будет? А вдруг появятся существа, которые захотят три или четыре солнца? Это точно коварный за-

мысел против обитателей пруда. Съем! Ну, кто говорит такую ерунду?»

Сверчок высунулся из травы и сказал:

«Это не я. Я имел в виду, что и без солнца было бы хорошо, потому что так будет полезно обитателям пруда».

Но бабочки, сказав «До свидания!», улетели, одна – на запад, другая – на восток.

Печально зазвонил монастырский колокол, солнце, словно пурпурный корабль, погружалось в золотое море. При виде этой картины жалобно заплакала осенняя цикада.

На корнях большой и старой сосны сидели три или четыре лягушки и громко квакали. На сосне была Управа, а главой ее был Филин.

«Докладываем! Докладываем!» – начали кричать лягушки – «Случилась беда! Скорее поднимайтесь!»

«Разве еще не слишком рано? Что все-таки случилось?» – с этими словами из ветвей сосны появился зашпанный филин.

«Разве не рано?»

«Да что вы! Уже поздно! Уже слишком поздно, боимся, что уже не сыскать следов!» – задыхались лягушки – «В лесу завелись бунтари! Ужасные бунтари!»

«Что? Опять бунтари? Опять пчелы объединились и бастуют?»

«Нет-нет! Все еще более ужасно! Эти бунтари хотят, чтобы сегодня ночью вышло солнце!»

«Что? Как?» Филин открыла круглые глаза. «Этот вопрос имеет прямое отношение к нашей Управе. Они хотят полностью избавиться от нее, ослепить всех начальников Управы. Кто эти смутьяны?»

«Смутьяны – бабочки. Одна полетела на запад искать солнце, другая – на восток, чтобы заставить солнце выйти пораньше».

Тут Филин сильно изумился.

«Сюда!» крикнул он и крылом подозвал летучую мышь. «Сюда! Летучая мышь, сюда! Появились смутьяны, лети скорее сюда!» Летучая мышь с заспанным лицом, зевая, вышла из тени на сосне.

«Какие будут распоряжения, господин?»

«Имеются две бабочки, одна из которых полетела на восток, а другая – на запад, схвати их!»

«Слушаюсь! Однако, господин, как мне узнать, что это именно те две бабочки?»

«Одна из них золотая, другая – серебряная».

«К тому же у них по четыре крыла!» – встряли в разговор лягушки.

«А вы, разве заранее не знали? Взглянув на их лица, крылья, ноги, не знали, что они мятежницы?» Филин был очень сердит из-за расспросов летучей мыши. «Чего вы ждете? Быстрее, а то будет поздно!» – свирепо сказал он.

Две летучие мыши перед отлетом сначала залетели в лес, чтобы посовещаться.

«Надо лететь скорее, а то не распознаем следы бабочек»

«А ты думаешь, что если прямо сейчас полетим, то распознаем?»

«Но разве не следует схватить смутьянов-мятежников?»

«А, ты же новенький! Ведь утром этих бабочек будет очень много, ну и поймает каких-нибудь двоих, и все! И не надо никуда далеко лететь!»

«Но если мы поймаем не тех бабочек, разве они не скажут, что мы ошиблись?»

«Ну ты странный, а если мы поймаем именно тех бабочек, они будут утверждать, что невиновны. Так и случится! И если мы так поступим, то только раздуем из мухи слона и все равно будем в накладе, так что полетели в горы!»

На следующее утро учитель повел учеников начальной школы к морю. На песчаном берегу они нашли мертвое тельце золотой бабочки, которое принесло волной. Ученики спросили учителя:

«Бабочка тут утонула?»

«Да, и именно поэтому я вам постоянно повторяю, что не надо заходить слишком далеко».

«Но мы же должны учиться плавать!» – ответили ученики.

«Если надо учиться плавать, то плавайте на мелководье, не надо заходить туда, где глубоко. Плаванье – это развлечение, в нашем цивилизованном мире, куда бы вы ни попали, везде над реками установлены мосты, а если нет мостов, то есть лодки». Учитель поднял руку, словно останавливая вопросы учеников.

В этот момент подошел послушник из монастыря.

«А что если лодка перевернется?» спросил послушник у учителя. Но учитель ему не ответил (этого учителя потом наградили директор школы, и он стал образцовым учителем).

Ученики средней школы тоже проходили по этому берегу. Их учитель тоже увидел тельце бабочки.

«Вероятно эта бабочка не выдержала жизни на этом острове и хотела улететь на другой берег. Сейчас это

один из методов уйти из жизни. Поэтому какой бы ни был человек, он должен быть доволен своим положением, всей своей жизнью».

Но послушник не был удовлетворен этим наставлением.

«А если нет положения и ничего нет, чем следует быть довольным?» – спросил он. Стоявшие поблизости ученики невольно рассмеялись, учитель же прикинулся, что не услышал, и еще раз повторил:

«Только так можно добиться счастья для себя и своей страны. Цель образования – сделать так, чтобы человек был доволен своим положением». (Этот учитель вскоре стал директором средней школы).

В то же утро и студенты университета проходили там. Их профессор, доктор наук, сказал:

«Так называемые инстинкты – нельзя утверждать, что они правильные. Посмотрите на эту бабочку, она в своей жизни не видела ничего, кроме канавок, ручейков. И, увидев огромное море, она подумала, что это тоже канавка, и захотела перелететь через нее. А результат у нас перед глазами. Самое важное в человеческой жизни – это опыт. В наше время молодые люди выходят из учебных заведений и занимаются политическими и общественными движениями, исходя из своего ограниченного опыта. Точно так же, как и эта бабочка».

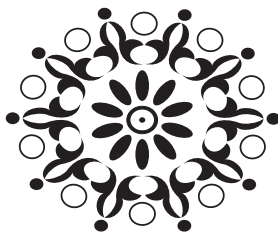
«Но если молодые люди не будут ничего делать, как же они приобретут опыт?» Опять спросил послушник. Но доктор наук лишь холодно улыбнулся:

«Хотя и говорят, что стремление к свободе – это человеческий инстинкт, но нельзя утверждать, что он правильный». (Говорят, этот профессор скоро будет отмечен Академией Наук. Наши поздравления.)

(Послушник в ту же ночь стал самым нелюбимым человеком для Управы).

Две бабочки всего лишь хотели спасти мир, потому что не могли смотреть на темноту в этом мире, они всего лишь хотели вернуть солнце, но никто так и не узнал об этом.

(перевод на китайский – Лу Синь)

Сердце орла

Нет более достойной и свободной птицы, чем орел. Нет более сильной и храброй птицы, чем орел. И нет никого среди животных, кто так же любил бы высокие, безлюдные горы. Орла называют царем птиц. Хотя в мире людей, чтобы быть царем или героем, не требуется проявления силы и храбрости, в стае орлов героем не может стать даже тот, у кого большие крылья и клюв. Это древний обычай орлов.

Любой орел может стать царем или героем, поэтому орлы уважают друг друга. Их правители не будут, подобно людям, использовать силу и ум своих подданных, чтобы захватить власть, не будут раздувать скандал из-за пустяков. Совместными усилиями они делают свои крылья и клювы сильнее, а когти и зрение острее. Что же до того, чтобы запугивать или льстить друг другу – такого среди орлов не было испокон веков.

Орлы издревле отличались от людей. Унижать слабых, угнетать слабых, использовать их силу и ум в своих целях – все это древний обычай людей, который был почти всегда. А так как сильные всегда владели силой слабых, то они не могли быть по-настоящему свободными, а слабые были глубоко несчастными.

1.

Рассказывают, что одна горная страна была захвачена соседним крупным государством. В дальнейшем эти две страны постоянно враждовали. А на самой высокой вершине горной страны вели счастливую жизнь орлы. Эти орлы на протяжении многих тысячелетий лелеяли одну мечту. Они мечтали полететь к солнцу – всегда теплomu и всегда ярко сияющему. Они верили, что если каждый день изо всех сил тренироваться летать вверх, то через несколько десятков тысячелетий их сыновья и внуки, вероятно, смогут долететь до солнца. Они тренировались из поколения в поколение, поэтому крылья у молодых орлов были сильнее, чем у их предков, и они твердо верили, что их мечта осуществится.

Мы любим солнце,
Мы поднимаемся к солнцу!
Не надо двигаться вниз,
Не надо смотреть вниз!
Стремление к солнцу дает орлам силу,
В полете к солнцу – счастье орлов.
Не надо лететь вниз,
Не надо смотреть вниз!
Внизу – темная и тесная клетка,
Внизу – мертвое царство рабов.
Не надо лететь вниз,
Не надо смотреть вниз!
Внизу – мир слабых,
Внизу – бессмысленный мир людей.
Не надо лететь вниз,
Не надо смотреть вниз!

Это – песня-наставление, которую с давних времен матери-орлицы пели своим птенцам. Неизвестно, с какими чувствами слушали эту песню притесняемые жители горного государства. Царь орлов жил на самой высокой и самой безлюдной скале. У них с царицей было два очаровательных наследника. Каждое утро царь брал старшего сына, а царица – младшего, и они все вместе шли к обрыву. Отсюда царь сталкивал сыновей вниз, и, когда они уже были почти у самого дна, он хватал их и возвращал обратно на обрыв. Этот урок повторялся каждое утро. Позднее сыновья царя уже могли совершенно свободно взлетать на скалу и лететь с нее вниз. Царь с женой с удовольствием смотрели на них. Потом они взяли сыновей и поднялись с ними высоко-высоко в небо, чтобы научить их лететь вниз с такой высоты. Поначалу у детей кружилась голова, но после многочисленных тренировок их крылья постепенно окрепли, и они уже могли спокойно возвращаться в родное гнездо с любой высоты. Однажды орел сказал жене: «Сегодня нужно научить детей спускаться на дно самого темного ущелья». Они вместе с детьми поднялись как можно выше и подтолкнули их вниз. Оба орленка прикладывали все усилия, но уже на полдороге крылья их обессилели. Младший брат закричал: «Брат, у меня уже нет сил!» Старший брат собрал оставшиеся силы, чтобы спасти младшего. Далеко в вышине царь и царица захлопали крыльями, подбадривая их. И в это момент неизвестно откуда взявшееся облако заслонило детей от родителей. Царь с женой испугались, быстрее, чем стрелы, они бросились вниз, пролетели сквозь облако в ущелье, но было уже поздно. Старший брат, помогавший младшему, тоже

обессилел, задохнулся и камнем упал вниз. Когда царь и царица уже собирались забрать бездыханные тела своих детей, внезапно показался охотник с двумя сыновьями с намерением схватить орлов. Царь с супругой сражались, чтобы защитить своих детей, но охотник был слишком силен и, к тому же, они считали, что орлята уже погибли, поэтому они оставили детей и взмыли в небо. Однако орлята на самом деле не были мертвы. Они снова начали дышать, когда охотник принес их в свой дом. Охотник подрезал им крылья и подарил по одному орленку каждому из своих сыновей. Старшему сыну охотника в тот момент было семь лет, а второму – шесть, они полюбили маленьких орлят и везде ходили с ними. Но охотник строго-настрого запретил им ходить с орлятами в горы. Люди, жившие в горной стране, услышав, что в ущелье упали два орленка, посчитали это хорошим предзнаменованием и радовались этому. Они втайне надеялись, что вскоре прилетят два орла, чтобы спасти эту страну, поэтому охотнику было велено хорошенько присматривать за орлятами. Но не прошло и семи дней, как случилось непредвиденное – пропал младший сын охотника. По рассказам его друзей, с неба словно молния прилетел огромный орел и схватил его. Все были напуганы. Но спустя два-три дня снова случилось непредвиденное – на этот раз пропал старший сын охотника.

Все жители горной страны обсуждали это происшествие, и только охотник хранил молчание. Он, как и прежде, заботливо ухаживал за орлятами. Сначала они печалились, им казалось, что уж лучше смерть, чем жизнь в неволе. Однако старший орленок с нежностью заботился о младшем брате, а тот в ответ утешал его.

Все дети деревни очень бережно к ним относились, и они постепенно привыкли к человеческому обществу, и даже полюбили людей, единственное, что было им невыносимо, – то, что они были привязаны длинной цепью к ясеню.

2.

Прошло пять лет. Молодые орлы стали взрослыми, их крылья окрепли. Как раз в тот день, в который пять лет назад они упали в ущелье, охотник отомкнул замок и отнес их на высокую гору, оставил там и молча вернулся домой.

Услышав о том, что двух орлов отпустили на свободу, все жители горной страны подняли крик. Этот крик еще не затих, как с гор спустились давно пропавшие два сына охотника.

Они сильно изменились, поначалу в них никто не признал сыновей охотника. Они были без одежды, с длинными волосами, крепкими, как камень телами, руки и ноги у них были твердые как железо, взгляд острый, носы изогнут как клювы у орлов, зубы – большие как у волков, ногти – как когти тигра. Жители горной страны изумились при виде их, с огромным интересом они приходили каждый день послушать их рассказы. Они рассказали, что их похитил царь орлов, отнес к себе в гнездо и там воспитывал, и царь, и царица дорожили ими. Каждый день супруги-орлы брали их к себе на спины, летели высоко в небо, потом бросали детей вниз, в об-

лака, а затем подхватывали их. Кроме этого было еще много удивительного. Так рассказывали сыновья охотника, а те, кто их слушал, не знали, правда это или ложь. Среди жителей горной страны никто не умел скакать на коне, лазать по горам и плавать лучше, чем сыновья охотника. И никто так не любил свободную жизнь, как они. Эти братья прекрасно знали, чем можно воспламенить сердца жителей горной страны, и когда они не могли словами выразить значение слова «свобода», издавали орлиный крик.

Они научили жителей горной страны песне орлов:

Мы любим солнце,
Мы поднимаемся к солнцу!
Не надо двигаться вниз,
Не надо смотреть вниз!

Они были и правда необычными детьми. Угнетаемые жители горной страны стали называть их «Орлиные сердца», и при виде этих ребят в их душах поднялась неведомая волна надежды.

3.

В другом доме царь и царица орлов, естественно, были очень рады тому, что их дети вернулись домой живыми, но, осмотрев их крылья, клювы, глаза и когти, они увидели, что все это стало непригодно для жизни. Царь и царица увидели, что их крылья и клювы стали слабы-

ми, глаза и когти потеряли остроту, какое же это было горе! К тому же храбрость орлят и их любовь к свободе, как могли заметить царь с супругой, как-то потухли.

Каждый день царь с царицей яростно тренировали детей, каждый день царица пела им:

Мы любим солнце,
Мы поднимаемся к солнцу!
Не надо двигаться вниз,
Не надо смотреть вниз!

Она изо всех сил старалась поднять их упавший дух, чтобы они смогли в будущем стать сильными и смелыми царями орлов. На протяжении десяти лет, изо дня в день они старались вывести из душ своих детей все человеческое. И когда они, наконец, стали летать выше родителей, а когти и глаза стали острее, то лишь их сердца неуловимо отличались от сердец орлов, были слабыми, как человеческие сердца. Когда молодые орлы летели к солнцу, они поглядывали вниз. И когда они парили в бескрайней вышине, их сердца как будто были привязаны к тому горному ущелью. И даже когда они поднимались выше других орлов, то уже не издавали самодовольный, победный клич. Был слышен лишь тихий, печальный крик тоски по жизни в долине. Иногда сыновья царя два-три дня не выходили на охоту и ничего не ели. Или схватив кого-нибудь, отпускали его. Их родители, услышав о таком от других или увидев это сами, очень сильно страдали. Друзья молодых орлов с презрением отзывались о них и дали им прозвище «Человеческие сердца». Царь с женой часто ругали детей, называя их позором

своего рода. Однажды старший сын после своего свободного парения в вышине вернулся домой и печально сказал отцу:

«Отец, извечная мечта орлов о полете к солнцу, на самом деле, глупость. Это бессмысленное занятие. И даже если можно было бы долететь до солнца, то орлы не обязательно были бы счастливы. Отец, я сегодня решил долететь до солнца, выбиваясь из сил, я взлетел очень высоко, но чем выше я поднимался, тем холоднее становилось. Чем выше, тем хуже видели глаза, и, в конце концов, начала кружиться голова. Почти без сознания я упал вниз. Чем ближе к солнцу, тем холоднее, я точно знаю это, так что я больше не буду подниматься к солнцу».

После этих слов сына царь орлов, назвав его «Человеческим сердцем», схватил когтями за горло. Молодой орел лишь издал печальный крик, полный любви к жизни внизу. Он не сопротивлялся и умер в когтях своего отца. В тот же день младший сын вернулся домой и, сев возле царицы, сказал:

«Мать, я больше не хочу летать к солнцу. Это совершенно бесполезно. Я решил отправиться вниз, в долину, свить себе гнездо в ветвях дерева и мирно жить рядом с людьми и их животными. Я не верю, что счастье орлов в том, чтобы лететь к солнцу. А в дружбе людей есть счастье, это я испытал на себе».

Услышав это, мать воскликнула: «Подлое Человеческое сердце!», кинулась на сына и когтями вцепилась ему в горло. Сын издал лишь крик, полный любви к долине и людям. Он не сопротивлялся и умер в когтях своей матери. В ту же ночь царь с женой отнесли своих умерших сыновей вниз, в долину, и положили перед дверью дома

охотника, который когда-то выкармливал их, но с тех пор в их любимой песне

«Мы любим солнце,
Мы поднимаемся к солнцу!
Не надо двигаться вниз,
Не надо смотреть вниз!»

как будто звучало предостережение о «человеческих сердцах».

Утром, когда жители горной страны обнаружили тела молодых орлов, они опять подняли крик. Как раз в это время народ этого государства под предводительством братьев по прозвищу «Орлиные сердца» подняли восстание против того огромного государства. У двух полководцев «Орлиных сердец» были разработаны хорошо продуманные планы, жители соседнего государства не могли ничего придумать, чтобы противостоять им и должны были потерпеть поражение. А сейчас при виде двух убитых орлов люди хоть вслух и не произносили, но в душе думали, что это предзнаменование поражения восстания. Девушки из горной страны украсили тела орлов прекрасными цветами, и пропели им песню смелых, которой их обучили братья «Орлиные сердца»:

Мы любим солнце,
Мы поднимаемся к солнцу!
Не надо двигаться вниз,
Не надо смотреть вниз!

Затем орлов похоронили как национальных героев.

4.

В столице соседнего государства царило оживление, все дома были украшены фонарями и флагами. Звучки хлопушек, веселая музыка были слышны издалека. Горожане нарядились в свои лучшие одежды, ходили туда-сюда, покачивая фонарями и флагами. Улицы города напоминали прекрасные гирлянды. На лицах людей была радость. И только стоявшая посреди самой главной улицы плаха казалась печальной и скорбной. Люди, собравшиеся на открытом пространстве, запели гимн страны, как будто ожидая чего-то. В тот вечер на этой плахе должны были казнить двух братьев по имени «Орлиные сердца». Все вокруг обсуждали горную страну, и тут издалека послышалось: «Преступников ведут! Преступников ведут!» Тут же воцарилось молчание. Показались два брата под конвоем солдат. Люди хранили молчание, на площади стало тихо, как в могиле. Лишь слышна была дробь барабана. Братья по прозвищу «Орлиные сердца» улыбались. Их глаза были наполнены безграничной отвагой, а также силой, зажигающей сердца всех людей. Улыбаясь, они взошли на плаху. Дробь барабана оборвалась. Люди, затаив дыхание, смотрели на братьев «Орлиные сердца». А братья, ничуть не дрогнув, смотрели в небо. В это момент воздух как будто задрожал, послышался победный крик орлов. В мгновение ока с неба словно молнии прилетели два огромных орла – горожане никогда не видели таких огромных орлов – они схватили братьев «Орлиные сердца» и также быстро взмыли в высь. Люди замерли, как будто окаменели. Над площадью повисла могильная тишина. Над головами людей послышалась песня:

Внизу – темная и тесная клетка,
Внизу – мертвое царство рабов.
Не надо лететь вниз,
Не надо смотреть вниз!
Внизу – мир слабых,
Внизу – бессмысленный мир людей...

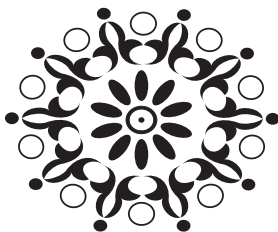
5.

Во время пира в честь победы в соседнем государстве в горной стране, потерпевшей поражение, царила тишина. Страшное горе была на душе у всех женщин, потерявших мужей и сыновей. Все только и говорили о том, что эта ночь – ночь казни героев, братьев «Орлиные сердца». Женщины вместе с детьми пришли к двери дома, где когда-то жили братья. Кто может понять ту печаль, что была у них в душе? И, несмотря на эту печаль, матери вели оставшихся детей высоко в горы, чтобы они посмотрели на жизнь орлов, молились все вместе о спасении этой горной страны, и тоже получили «орлиные сердца». Стояла тишина, звезды безмолвно мерцали в небе, и в этой ночной тишине, как ответ на молитвы, неизвестно откуда послышалась песня:

Не надо двигаться вниз,
Не надо смотреть вниз!
Стремление к солнцу дает орлам силу,
В полете к солнцу – счастье орлов.

Прошу тех, кто прочитал этот рассказ, тоже помолиться о том, чтобы у всех, кто спасает мир, были «Орлиные сердца».

(перевод на китайский – Лу Синь)

Сон в весеннюю ночь

1.

Далеко-далеко, среди гор, которых не видно отсюда, есть огромный и красивый пруд с зеркальной поверхностью. Там было тихо и свежо, и никогда не появлялись люди, любившие жить в удобных местах. Лишь изредка сюда приходили обожавший природу художник и искавший уединения от столичного шума бледный юноша с разбитым сердцем: он находили утешение в прикосновениях невидимой божественной длани, благодаря цветам, блестящим, как слезы, и сладким, как поцелуй, песням птичек. Все это радовало их души. Но, находясь рядом с прудом, художник подумал, что природа в естественном состоянии не так прекрасна, как та, что создавал он сам в своей мастерской. Этот красивый прозрачный пруд не такой милый, как девушки, служившие ему моделями, и поэтому он свернул холст и вернулся в город, что располагался на востоке. А бледный молодой человек с разбитым сердцем хотел в ярких огнях города и опьянении самым ароматным вином забыть печаль, что была в глубине его души, поэтому он вернулся в порт, что находился на западе. И с тех пор люди больше не появлялись на берегу пруда.

Однако с приходом весны пруд ожил, благодаря птицам, зверям и насекомым.

Однажды весной тут произошло исключительно прекрасное событие. Желтые кувшинки, белые и красные лотосы плавали, распустившись, как прекрасный сон, на тихой поверхности пруда. Фея лотоса смогла спокойно появиться, так как больше не приходили люди, пытавшиеся ее схватить или смеявшиеся над ней. Она играла на прозрачной поверхности пруда с золотыми рыбками, отдыхала на цветках вместе с бабочками, помогала пчеле в поисках меда. А глубокой ночью девушки-призраки танцевали танец радости или бежали наперегонки со светлячками. Все эти прекрасные существа обитали здесь, и поэтому светлячки, лягушки, бабочки, птицы были очарованы этим местом, и им снились дивные сны в весенние ночи. Благодаря этому, все становилось еще прекраснее – игры золотых рыбок, песни птиц, танцы бабочек.

2.

Однажды теплым вечером один красивый светлячок с крылышками, сверкавшими словно бриллианты, неспешно порхал над прудом. Пруд в свете луны был наполнен поэзией, поэтому светлячок, сам того не замечая, долетел до середины пруда и устоялся на луну, отражавшуюся на поверхности пруда. Он смотрел и смотрел, не чувствуя усталости, но потом вдруг осознал, что крылья его ослабли.

«Скорее в спальню в цветке!» – сказал светлячок, собираясь лететь к берегу. Он летел еле-еле и тогда понял, что у него уже нет сил, чтобы вернуться на берег.

«О, горе! Неужели мне суждено умереть в этом тихом и прекрасном месте в наполненный поэзией вечер?» Он посмотрел по сторонам. Над ним простиралось далекое и бескрайнее небо, украшенное ясной луной и мерцающими звездами. Под ним в тихом и прозрачном пруду тоже простиралось далекое и бескрайнее небо, украшенное мерцающими звездами и ясной луной. Повсюду было видно лишь далекое, бескрайнее небо и больше ничего.

«Красивые звезды, далекое, бескрайнее небо, прекрасная луна, прекрасный мир, прощайте!» – сказал светлячок, сложил крылышки и собрался падать в пруд.

И в этот момент из глубины пруда вынырнула маленькая золотая рыбка. Светлячку показалось, что это ангел в золотом одеянии прилетел из глубин бескрайнего неба.

«Что с вами, светлячок?» – мягко спросила золотая рыбка.

«Я устал, у меня нет сил вернуться на берег, мне придется оставить этот прекрасный мир. Нет сил – как будто нет права жить в этом мире!» – испуганно сказал светлячок.

«Нет, нет, это неправильно!» Мягкий голос золотой рыбки вызвал рябь на спокойной поверхности пруда. «Нет ничего более глупого, чем говорить, что следует умереть из-за того, что нет сил в мышцах крылышек. Красота чувств и вещей – в этом сила мира. Сила мышц – такая малость по сравнению со всем прекрасным и дружелюбным, значит, нет ничего невозможного. Скорее

садись мне на хребет, ты отдохнешь, а я доставлю тебя на берег».

Рыбка говорила так искренне, что светлячок покраснел и ответил:

«Ну, тогда, буду крайне вам обязан!» – и он сел на спину к золотой рыбке.

Рыбка поплыла к берегу. По дороге она, стыдясь, тихим голосом сказала:

«Каждый вечер я наблюдаю за тем, как Вы летаете. И все думала, как с вами подружиться. В пруду нет никого красивее вас». Как будто не находя себе места, она незаметно вздохнула.

«Я тоже часто наблюдаю, как ты играешь в воде, – сказал светлячок, – при взгляде на тебя мне становилось одиноко. Среди тех, кто летает в небе, нет таких прекрасных девушек, как ты...» – при этих словах голос его прервался.

В тот вечер они сказали друг другу только это. Но с этого времени золотая рыбка и светлячок встречались каждый день. Каждый вечер они общались на пруду, вместе отдыхали в камышах, золотая рыбка рассказывала светлячку о том, что происходит в пруду, а он ей – о жизни в горах. Они оба видели сон весенней ночью.

Однажды вечером фея лотоса и дух гор сделали из листа лотоса кораблик и начали играть с ним. В это время золотая рыбка и светлячок как раз прогуливались рядом. Фея лотоса сказала, увидев их:

«Ни у кого в мире нет таких прекрасных крыльев, как у этого светлячка!»

«А я нигде не видел такой красивой чешуи, как у этой золотой рыбки» – сказал горный дух.

Фея лотоса продолжила: «Не знаю, насколько бы ты стал прекрасней, если бы у тебя были такие крылья, как у этого светлячка».

Дух ответил: «Если из чешуи этой рыбки сделать шляпку и одеть тебе на голову, вряд ли в пруду или в горах был бы кто-то красивее тебя!»

«Я только во сне вижу прекрасное».

«А я думаю о прекрасном и во сне и наяву».

Это было все, что они сказали тем вечером.

Однажды вечером к пруду пришла княжна лет двенадцати-тринадцати из загородного дома, что находился недалеко от пруда. С маленькой корзинкой, сплетенной из дорогого тончайшего зеленого шелка, в левой руке и с сеткой для ловли светлячков в правой она подошла к пруду.

На тропинке показался мальчик чуть постарше – лет тринадцати-четырнадцати – из семьи простолюдина. С маленькой чашей для золотой рыбки в левой руке и с удочкой в правой он подошел к пруду. Княжна поприветствовала его и сказала:

«Я – дочь здешнего князя».

«А я – из простой семьи, что живет напротив вашего имения» – отвечал мальчик.

«Когда я сижу на веранде в нашем доме, мимо нашего дома часто проходят мальчики» – сказала княжна.

«Когда я сижу на веранде нашего дома, во дворе часто прогуливаются девочки» – ответил мальчик.

«Ненавижу мальчишек».

«И я не люблю девчонок».

«Мальчики вечно грубы и неучтивы, они не знают правил поведения».

«У девочек вечно сонный вид, они мямлят и разговаривают, как будто во сне. Не понятно, что хотят сказать».

«Мальчишки только и знают, что драться и ругаться, я сыта этим по горло».

«Девочки только и думают, что о нарядах, украшениях и пудре, мне это отвратительно, неприятнее всего».

Маленькая княжна и мальчик из простой семьи долго стояли в тени зеленого дерева и ругались. Собравшиеся вокруг бабочки, пчелы и птички были поражены, они как будто обсуждали, о чем люди так долго спорят, остальные же просто смотрели из ветвей и листьев.

«У мальчиков вечно изодранная одежда и чумазные лица, руки-ноги тоже грязные, к тому же от них всегда странно пахнет. Ничего в них красивого нет» – снова начала княжна.

«А на девочках мало одежды, лица бледные, руки-ноги тощие, как будто у трупов» – парировал мальчик.

«Я считаю, что вместо того, чтобы смотреть на мальчиков, намного лучше смотреть на светлячков!»

«А я вместо того, чтоб глядеть на мертвенно-бледных девочек, уж лучше буду смотреть на прекрасных золотых рыбок!»

«Когда вижу мальчика, так и хочется его пнуть»

«А я когда вижу девочку, так и хочется ударить пару раз, еле сдерживаюсь».

С этими словами они замолчали. В этот момент на ближайшем дереве громко затрещала осенняя цикада, будто внезапно вспомнив о чем-то.

«Я повешу корзинку со светлячком под стрехой южной галереи, с самой низкой стороны ограды – девочка на мгновение замолчала, – До свидания!»

«До свидания!» – ответил мальчик. «Я думаю, что поставлю эту чашку с золотой рыбкой под стрехой с северной стороны, там, где совсем нет ограды».

«Прости меня за бестактность»

«Нет, что ты. Это ты прости меня!»

Раскланявшись, они разошлись, девочка пошла направо, мальчик – налево.

В тот день они сказали друг другу только эти слова.

3.

С того времени светлячок с сверкающими словно бриллианты крылышками был заперт в клетке и подвешен под стрехой в южной галерее княжеского дома (в том месте, где ограда была самая низкая). А прекрасная золотая рыбка, которую он любил, была в чаше, которая стояла под стрехой с северной стороны простого дома, стоявшего напротив дома князя (в том месте, где не было ограды). Горе светлячка и золотой рыбки нельзя выразить ни пером, ни словами.

Однако горный дух услышал их и начал хлопотать. Как только наступила глубокая ночь, когда затихли все звуки в доме простолюдина, он потихоньку прилетел сюда.

«Госпожа рыбка, произошло и вправду непоправимое, – тихо и печально произнес горный дух, – Вы, возможно, не знаете, что ваш возлюбленный светлячок заперт в клетке и подвешен под стрехой дома напротив».

От глубочайшего горя рыбка ударилась головой о бортик чаши, а горный дух повторил:

«Как бы вы отблагодарили меня, если бы светлячок получил свободу?»

Рыбка ответила: «У меня нет ничего, кроме жизни, печальной жизни. Если моя жизнь поможет дать светлячку свободу, то я с радостью отдам ее».

«Нет, жизнь мне не нужна! – поспешно прервал горный дух золотую рыбку. – Лучше отдай мне свою прекрасную чешую. Тогда я приложу все силы, чтобы освободить светлячка».

«Забирай же ее скорее!» Рыбка выплыла на поверхность. «Если это хоть как-то поможет освободить любимого, то я готова отдать даже последнюю чешуйку. Скорее, забирай их все. Я мечтаю о том, чтобы мой возлюбленный как можно раньше обрел былую свободу!»

Горный дух взял все чешуйки золотой рыбки и сказал: «Госпожа золотая рыбка, ни в коем случае не падайте духом! Я придумаю, как спасти и вас». Он полетел к дому напротив. А опечаленная рыбка легла на самое дно чаши.

Мальчик из простой семьи, услышав эти тихие звуки, внезапно широко раскрыл глаза.

«Кажется, кто-то разговаривает под стрехой нашего дома» – с этими словами он поспешно поднялся и вышел посмотреть. Однако там уже никого не было, лишь чья-то тень промелькнула на основании ограды дома князя. Мальчик бросил взгляд в чашу – там дрожала золотая рыбка, на которой не было ни чешуйки.

«Черт! Какая гадость!» – разгневанно закричал он.

А в это время горный дух долетел до южной стрехи галереи княжеского дома.

«Господин светлячок! Случилось непоправимое» – он осторожно держал в руке мешок с золотой чешуей.

«Вы, возможно, уже знаете, ваша возлюбленная золотая рыбка находится в чаше под стрехой дома напротив».

Светлячок не мог вымолвить ни слова от горя. Он лишь прижал к груди две лапки, а сверкающими, словно бриллианты, крылышками закрыл печальное лицо. Горный дух повторил:

«Если я смогу освободить золотую рыбку, как вы отблагодарите меня?»

Светлячок ответил: «У меня не осталось ничего кроме жизни, полной печальных снов. Если моя жизнь поможет дать золотой рыбке свободу, то скорее забирайте ее».

«Нет, жизнь мне не нужна! – сказал горный дух, – Отдай мне свои прекрасные крылышки, сверкающие, словно бриллианты»

«Ты – в печальных глазах светлячка светился упрек, – ты хочешь мои крылышки?»

«Да, мне нужны прекрасные крылышки, сверкающие, словно бриллианты» – горный дух не смотрел в лицо светлячку.

«Хорошо, забирай!» – тихий голос светлячка стал совсем неразборчивым. В этот момент горный дух открыл клетку и забрал прекрасные крылышки светлячка.

В этот момент проснулась княжна.

«Кто-то разговаривает в галерее». Она потихоньку встала и выглянула посмотреть. Там никого не было, лишь чья-то тень проскользнула в дом напротив. Княжна вышла в галерею, в клетке под стрехой лежал светлячок без крыльев.

«Ой, беда! Во что превратили светлячка!» Княжна заплакала.

Это все, что произошло в тот вечер.

Солнце уже почти зашло, пруд, освещенный последним лучом, словно сгорал от страсти. Стояла тишина. Слышно было лишь игривую болтовню птиц и шелест крыльев пчел, поздно возвращавшихся домой. Цветок лотоса после нежного поцелуя солнца тоже сомкнул свои лепестки.

На листе лотоса сидел светлячок без крылышек, когда-то сиявших как бриллиант, а рядом отдыхала золотая рыбка, наполовину высунувшись из воды.

«Мне холодно! У меня нет мужества жить!» – сказала рыбка сама себе, ни к кому не обращаясь.

«О, горе мне! Моя жизнь в том, чтобы летать. Без крыльев и жизнь мне не нужна!» – без умолку повторял светлячок.

«Но я совсем не жалею, что отдала все свои чешуйки за твою свободу!»

«И я больше всего доволен тем, что продал крылышки, чтобы вернуть тебе свободу!»

Они обнялись, это были их последние слова.

Солнце зашло. Пруд, еще освещенный им, словно догорал от страсти. Ушло солнце и вместе с ним ушли жизни светлячка и золотой рыбки. Растворились ли они в свете, поднявшись в бескрайнее небо, или же слились с ароматом цветов, став легкой росой – я этого не знаю.

Стояла тишина. Раздавались лишь сонные голоса птиц и шелест крыльев пчел, слишком поздно вернувшихся домой. Лотос тоже уже заснул.

4.

Потихоньку взошла луна. Много прекрасных светлячков вышли встречать ее. Горные духи радовались и плясали при свете луны. И среди них самым прекрасным был дух со сверкающими, словно бриллианты, крылышками.

Из цветка лотоса, смеясь, вышла фея. Удивительно красивая шапочка, сделанная из чешуек золотой рыбки, ярко сияла у нее на голове. Фея почтительно поздоровалась с луной и молча посмотрела по сторонам. И внезапно она увидела на листке лотоса мертвые тела светлячка и золотой рыбки.

«Эй, все, скорее сюда!» – удивленно воскликнула она. Радостно танцевавшие феи остановились и с криками бросились к ней. Указывая на мертвые тела, она сказала:

«Что это? Кто убил моего дорогого светлячка и мою дорогую золотую рыбку?»

Все лишь молча смотрели на них.

«Кто забрал крылышки светлячка? Кто забрал чешую золотой рыбки?» – руками она закрыла лицо от горя.

«Вчера вечером дети схватили их, – сказал дух с крылышками светлячка, – светлячок отдал мне свои крылья, а рыбка – чешую, и я вызволил их. Шапочка из чешуи золотой рыбки сейчас сверкает на твоей голове»

«О, горе! Какой же ты жестокий! Не нужна мне такая шапочка!»

«Но ведь золотую чешую можно получить, только сняв ее с золотой рыбки, а крылышки светлячка, сняв их со светлячка. Иначе никак».

«Ты жестокий. Ты убил их!» – сказала фея и заплакала.

«Я не убивал их. Рыбка и светлячок без чешуи и крыльев вовсе не обязательно должны были умереть. Я же жил без крыльев. И ты ведь тоже не умерла без золотой чешуи. Они просто сами умерли».

Горный дух тихо объяснял, но фея не убрала руки от лица.

«Ненавижу этот мир. То, что нужно, приходится получать за счет других. Золотую чешую пришлось взять у золотой рыбки. Если я что-то получаю, то этим причиняю вред другому. Какой печальный мир!» С этими словами она вошла в цветок лотоса.

Остальные феи начали парами кружиться в печальном танце. И только горный дух с крылышками светлячка одиноко сидел на камне у уединенного пруда.

«Тот, кто создал этот мир, такой скупой! Как было бы хорошо, если бы он сделал побольше крыльев, как у светлячка, и чешуи, как у золотой рыбки! Какая необходимость в такой экономии в этом огромном мире!» – расстроенно повторял он.

Княжна с корзинкой для светлячков в левой руке и с сеткой для их ловли в правой тихо вышла на берег пруда. По тропинке из леса пришел мальчик из простой семьи с чашей для рыбок в левой руке и с удочкой в правой.

Княжна чинно поздоровалась и сказала: «Я ненавижу мальчиков из простых семей».

Мальчик тоже чинно поздоровался и сказал: «Что до меня, то я тоже не слишком люблю девочек из богатых семей».

«У мальчиков из простых семей не только порванная одежда и грязные руки-ноги, но и жестокие души» – сказала княжна.

«У девочек из богатых семей только одежда красивая, а души грязные, ни с чем не сравнятся, я так думаю» – ответил мальчик.

«Вчера у моего светлячка крылья оторвал, несомненно, мальчишка из простой семьи»

«Вчера у моей прекрасной золотой рыбки чешую забрала, конечно же, девчонка из богатой семьи»

«Если бы я знала, кто тот мальчишка, что оторвал крылышки у моего светлячка, я бы дала ему пощечину»

«А если бы я знал, кто та богачка, что забрала чешую моей золотой рыбки, то побил бы ее».

Но потом они сказали друг другу:

«В этот раз я повешу клетку со светлячками на окошко в южном зале, где высокая стена».

«В этот раз я поставлю чашу с рыбками под окном северной комнаты, где есть старая ограда».

«До свидания!»

«До свидания!»

«Прости за неучтивость!»

«Что вы, что вы! Это я был неучтив!»

Они слегка поклонились друг другу, и пошли: один направо, другая – налево.

Княжна медленно шла вдоль пруда и увидела одиноко сидевшего на камне горного духа.

«Ой, это же и есть человечек, о котором мне рассказывала кормилица!» С этими словами она, изо всех сил пытаясь не издавать ни звука, взобралась на камень, чтобы поймать горного духа. В этот момент она поскользнулась и вместе с духом рухнула в пруд.

«Помогите!» – испуганно закричала девочка, дух тоже перепугался и послал князю пруда сигнал о помощи.

В это же время мальчик-простолудин на другой стороне пруда увидел фею, сидевшую на цветке лотоса. На голове этой феи была очень красивая шапочка, сделанная из чешуек.

«Ой, это и есть фея пруда, о которой так любит говорить мать!» – с этими словами мальчик подошел поближе к цветку лотоса, вытянул руку, чтобы сорвать его. Но в спешке он потерял равновесие, упал в пруд и тут же закричал:

«Помогите!»

«Скорее на помощь!» – фея тоже подала сигнал князю пруда.

Не прошло и минуты, как из глубин пруда появился князь пруда, и княжна, горный дух, мальчик и фея были спасены его волшебным посохом и предстали перед ним.

«Кто это шумит в таком тихом месте в такую тихую ночь?» – спросил князь.

Горный дух ответил: «Шумят, как водится, люди».

«Как водится, шумят двуногие, грязные существа» – выпалила фея.

«Но раз люди такие шумные, то ничего страшного не случилось бы, если б они утонули. Такие случаи бывали, вы же знаете. Мне все равно, сколько утонет людей, потому что это больше всего радует народ пруда – рыб и крабов. Зачем нужно было призывать меня со дна пруда?» – тон князя полностью изменился, в нем послышался гнев. «Когда наступит весна, у вас еще будет возможность совершать хорошие дела. Кроме того, до меня дошли известия о золотой рыбке и светлячке. Это совсем не похоже на вас, таких приличных духов и фей».

Хотя казалось, что князь не знает ничего, оказалось, что он знает все.

«Я весь вечер об этом думаю, поэтому это страшное существо и схватило меня» – признался горный дух.

«И я печалилась из-за смерти золотой рыбки, весь вечер проплакала в цветке лотоса, – сокрушалась рыбка, – поэтому это гадкое существо схватило меня. У меня не было сил сопротивляться, и я обратилась к Вам за помощью».

Лицо князя немного смягчилось. Он сказал, указывая на княжну:

«Это страшное существо хотело схватить горного духа?»

«Я не страшное существо, – чуть не расплакалась княжна, – Я – дочь князя. Я люблю все красивое. Хотя я и поймала вчера светлячка, но кто-то другой оторвал у него крылышки. А потом и сам светлячок исчез. А сегодня, увидев этого милого малыша, я снова хотела поймать его, чтобы нежно любить, но поскользнулась и упала в воду. Я ловлю красивых существ не для того, чтобы их мучить, а чтобы любить их».

«А это что за гадкое существо?» – сказал князь, указывая на мальчика.

«Я не гадкое существо, я мальчик из простой семьи. Я вчера поймал рыбку, но тоже не для того, чтобы ее мучить, а чтобы любить. Но кто-то забрал у нее всю чешую, а потом и рыбка тоже пропала. Сегодня вечером я увидел эту красивую барышню и захотел ее забрать домой – не для того, чтобы мучить, а чтобы любить».

Когда мальчик говорил, князь опять смягчился. Обернувшись в горному духу, он сказал:

«А зачем ты заставил страдать золотую рыбку и светлячка и забрал у них чешую и крылышки?»

«Я живу ради красоты, а крылышки светлячка были такие красивые. И еще я подумал, как было бы красиво, если надеть шапочку из золотой чешуи. Мне очень захотелось такую шапочку. Поэтому я забрал крылышки светлячка и чешую золотой рыбки. Но я вовсе не собирался убивать их!»

«Мне тоже хотелось иметь чешую золотой рыбки, – подхватила фея, – и еще я подумала, каким красивым стал бы горный дух, если бы у него были крылья, как у светлячка. Но убивать светлячка и рыбку, забирать у них крылья и чешую – такое мне и присниться не могло!»

В этот момент лицо князя озарилось ослепительной открытой улыбкой.

«Кажется, вы все любите прекрасное, и этого достаточно. Поэтому я вам прощу ваши прегрешения – из-за этой вашей любви. Но вы должны идти дальше. Если по отношению к чему-то прекрасному у вас появится чувство собственности, желание забрать себе или отобрать у других, запомните – такие чувства уже не чисты. Такие чувства поднимаются из мутного источника. Если вы увидите прекрасное, полюбите его воплощение, и у вас не возникнет желание отдать все для него, пожертвовать чем-то, то такое чувство вряд ли истинное. Запомните это хорошенько. Чем больше мы любим прекрасное, тем сильнее мы становимся. Люди сильнее зверей именно из-за этой любви. У духов и фей чувство прекрасного острее, чем у людей, поэтому они сильнее их. Но над всеми, даже уродливыми, вещами, стоит бог, который также любит всё прекрасное».

Князь сказал горному духу и фее: «Вас смогли поймать эти дети потому, что ваше чувство прекрасного потерпело поражение». А детям он сказал: «Вы чуть не погибли потому, что хотели сделать своей собственностью прекрасные

существа. Любовь к прекрасному – это сила, господствующая во Вселенной. Но эта же сила может разрушить жизнь. Запомните это крепко-накрепко и больше не совершайте ошибок!» – сказал князь и взмахнул посохом.

5.

Княжна, спавшая на камне на берегу пруда, внезапно проснулась.

«Когда это я заснула в таком месте?» – спросила она, оглядываясь по сторонам.

На прозрачной и спокойной поверхности пруда радостно играла золотая рыбка, а в небе летал светлячок с крылышками, сверкавшими, словно бриллианты.

На другом берегу проснулся мальчик:

«Странно, когда это я заснул?» С этими словами он поспешно вскочил и взглянул на освещенный луной пруд.

В глубине леса танцевали в лунном свете прекрасные духи, и, глядя на них, смеялась фея лотоса.

Девочка и мальчик увидели друг друга и подошли поближе.

Княжна еле заметно поприветствовала мальчика и сказала: «Я думаю, что ловить светлячков жалко, вдруг им кто-нибудь оторвет крылышки».

Мальчик-простолоудин тоже слегка поклонился и ответил: «И я не собираюсь ловить золотую рыбку, боюсь, что кто-нибудь снимет с нее всю чешую».

«Лучше я буду приходить сюда каждый вечер и любоваться тем, как светлячок летает».

«И я лучше буду каждый вечер приходить сюда и наблюдать за тем, как резвится золотая рыбка в прозрачном пруду. Это будет здорово!»

Они сидели рядом на берегу, срывали цветы синеглазки, похожие на слезы радости в эту весеннюю ночь, бросали их в пруд, бросали на воду.

«Хотя одежда у мальчишки из простой семьи рваная, а руки-ноги грязные, но и у него есть хорошие стороны. Я думаю, если надеть на него новую одежду и чисто-на-чисто отмыть руки и ноги, то он будет очень ничего» – сказала девочка.

«Девочка-аристократка хотя и выглядит как труп, но и у нее есть свои привлекательные стороны. Я думаю, если она постарается, выйдет на улицу и позанимается спортом, то изменится цвет лица и кожи, и она станет здоровее».

Они помолчали мгновенье.

«Я совсем не боюсь ходить одна по лесу» – покраснев, промолвила девочка.

«И я могу ходить в горах, где угодно» – когда мальчик отвечал, его сердце учащенно забилось, уж я-то знаю.

«Одному в горах не страшно, но все-таки, я думаю, более одиноко, чем вдвоем»

«Вот и я думаю, что вдвоем намного веселее».

«Если идти с кем-то вдвоем, то я не хотела бы пинать камни, топтать ногами и стучать сандалиями».

«А я если бы шел с кем-то вместе, то шел бы тихонько в соломенных сандалиях. Я пойду домой по той тропинке».

«На той тропинке мне больше всего нравятся валуны справа и удивительная скала. Я тоже хочу по ней вернуться домой».

«А я больше всего люблю смотреть на сосны слева и ветви огромного лавра».

Синеглазок, похожих на слезы Вселенной, больше не было, и дети, наконец, поднялись.

«Даже если ты придешь вместе со мной, ничего страшного. Хотя кормилица, вероятно, будет мне выговаривать».

«Если я пойду с тобой, ничего страшного. Хотя друзья, наверное, будут смеяться».

И тогда они вдвоем пошли в лес.

Хотя глаза детей были широко открыты, но они продолжали видеть весенний сон.

В свете луны танцевал дух, глядя на него, смеялась фея лотоса. Золотая рыбка и светлячок спали и видели сон в весеннюю ночь.

(перевод на китайский – Лу Синь)

Странный кот

Я хотел бы забыть тот день.
Как бы я хотел забыть тот день.
Но это невозможно.
Это был самый последний день.

На улице было холодно и тоскливо. Однако в тот день на душе у меня было, не знаю насколько холоднее, насколько тоскливее, чем снаружи. Однако не существует прибора, способного измерить тоску и холод...

Я сидел рядом с жаровней и расстроено размышлял. Казалось, в огне тускло горели мои дорогие мечты и прекрасные надежды. Вдруг, откуда ни возьмись, Тигренок (Тигренок – это кличка кота, жившего в этом доме) вскочил мне на колени, дрожа, он как будто крепко обнимал меня за колени всеми четырьмя лапами. Я подумал, что что-то случилось. Тихим голосом Тигренок сказал:

«Молодой хозяин,
Единственный дорогой хозяин,
Единственный, кто любит меня!»

Он хотел сказать еще что-то, но не смог продолжить, его голос оборвался.

Я подумал: «Эх, я опять сплю? Достаточно уже снов, но и действительности тоже уже хватит». Я и не пошевелился, сидел так же, как и раньше. Тогда Тигренок снова заговорил:

«Хозяин, я больше не могу. Я во всем вижу только плохое».

Я хотел сказать:

«Что за недовольные слова? Я давно уже вижу во всем только плохое, но ничего же не говорю». Но, пожалев кота, я промолчал.

Тигренок продолжал:

«И хозяин, и служанка, и повар говорят, что я лентяй, потому что не ловлю мышей! Но я этого не делаю не потому, что ленив. Я не могу их ловить. У меня уже нет сил для этого. Не в когтях и зубах нет сил, а здесь, – Тигренок похлопал себя по груди, – в душе нет сил убивать мышей. А так как я не ловил мышей, то они появились на кухне и в амбаре – рвут мешки с зерном, кусают хлеб, воруют сладости. Недавно мыши сгрызли книгу Кропоткина «Хлеб и воля», бережно хранимую госпожой. И хозяин, и служанка, и повар говорят, что это хулиганство мышей, но это не так. Мыши голодают, сильно голодают, и умрут, если не будут воровать. Молодой хозяин, прошу, пойми меня».

Он взволнованно закончил говорить, и как будто, чтобы заставить меня быстрее понять его, вонзил острые когти мне в колени.

«Больно! Беспокойный кот. Умничает он. Даже если мышам нечего есть, и они голодают, не стоит это такого пыла и волнения. В России, Германии, Австрии голодают более ста миллионов людей, а нам разве не наплевать?»

А то, что голодают мыши, которые разносят страшные болезни, – так и слава Богу!» – я хотел все это высказать коту, но не осмелился.

«Из-за того, что я не ловлю мышей, хозяин приказал не давать мне есть. Вы, господин, это тоже знаете. Я и сейчас голоден. В желудке пусто, не могу ничего придумать. А если становится совсем неважно, и мне удается схватить хоть какой-то кусочек съестного, то тут же поднимается крик: «Эй, кот ворует!» Без вас, господин, боюсь, я уже давно умер бы с голоду. Но мой желудок и сейчас пуст, мой господин. Но даже и в этом случае у меня нет смелости становиться диким котом. Эх, я больше не могу...

Хозяин, служанка и повар считают, что если мне не давать есть, то я снова научусь ловить мышей, но этого не будет. Ведь у меня уже нет той смелости, что важна для ловли мышей. Эх, я больше не могу. Я – странный кот, если бы я был человеком, меня называли бы чудаком».

В этот момент я захотел сказать ему:

«Угу, в глаза звали бы чудаком, а за глаза – недоразвитым или идиотом! Только так». Но у меня не хватило смелости, сказать ему это .

«Однажды я сидел в амбаре, поджидая, когда придут мыши воровать зерно. Потом он наконец пришли. Мыши неустанно кричали:

«Зерна! Зерна! Зерна!»

Их становилось все больше, словно надвигалась гора. Я начал кусать их, кусал и кусал, не знаю, скольких загрыз до смерти – сотни, тысячи или больше, но чем больше я их кусал, нет нужды говорить, что их становилось меньше, наоборот, их постепенно становилось все больше и больше. Большие мыши, маленькие, черные и

серые, старые и молодые, самцы и самки – все они только и знали, что без устали пищать:

«Зерна! Зерна! Зерна!»

Их было бесчисленное множество. И казалось, что им не будет конца. Мне казалось, те старые мыши, что живут со дня сотворения Вселенной и даже те, что еще должны родиться, все они появились там в одночасье. И каждый из них страшно, громко и непрерывно кричал:

«Зерна! Зерна! Зерна!»

Когда я слушал этот крик, почувствовал что-то странное в своей душе: в крике мышей я как будто услышал крик котов. Эти кошачье-мышинные звуки становились все громче, и в какой-то момент мышей не стало слышно, можно было слышать лишь горестный крик котов:

«Зерна! Зерна! Зерна!»

Это и правда был крик котов. Мне стало страшно, теряя сознание, я сбежал оттуда. Потом я лежал в темном углу и безостановочно дрожал.

«Зерна! Зерна! Зерна!»

Этот крик безостановочно звучит у меня в ушах.

Не знаю, сколько часов, дней или месяцев я сидел там и дрожал. С того времени я стал странным котом.

С того времени я начал потихоньку осознавать, что «мыши – это мои милые братья, которым я должен сочувствовать».

С того времени у меня пропала смелость ловить мышей, и сам я вынужден тайком таскать еду.

И когда я ворую еду, еще более четко понимаю, что «мыши – это мои истинные братья». И теперь при виде меня мои друзья, даже самые близкие друзья, говорят, что я странный кот, сумасшедший кот, и убегают. И не только это, хо-

зяин, служанка и повар вчера поняли, что я сошел с ума, и хозяин решил меня удавить, а я не хочу, чтоб меня душили.

Молодой господин, единственный, кто любит меня, купите морфия и дайте мне спокойно уснуть, пожалейте меня».

Речь Тигренка была длинная, и, как будто желая, чтобы я действительно хорошенько запомнил его слова, он опять вонзил когти мне в колени.

«Ой, больно!» – воскликнул я и очнулся. На моих коленях, обхватив их, лежал Тигренок и тихонько дрожал. Я, как будто во сне, погладил его по спине. Огонь в жаровне уже погас. Мои дорогие мечты и прекрасные надежды, как и этот огонь, превратились в пепел.

В этот момент в комнату вошел отец, тихонько словно вор. Он на цыпочках зашел мне за спину и набросил мешок на Тигренка.

«О! Поймал, поймал! Вот скотина, наконец-то я его поймал».

Я чуть не подпрыгнул от испуга.

«Отец, что, что это значит? – закашлявшись, спросил я.

«Эта скотина сошла с ума. Он взбесился. Странно, что тебя не поцарапал. Вчера я отнес его к ветеринару, и тот сказал, что кот бешеный. Надо его побыстрее убить, а то это опасно».

«Убить?»

«Угу-угу, естественно, я вчера сразу же хотел убить его, но он такой хитрый, ловко сбежал. Все так разволновались, что не смогли ничего сделать».

Так как простое дело не требовало таких длинных пояснений, отец вышел из комнаты. Кот хотел выбраться из мешка, вырывался и кричал, но у него не было столько сил, и голос был таким печальным.

Я подбежал к отцу, схватил мешок с котом и сказал:

«Подождите!»

«Что?»

«Разве вам не жалко его?»

«Жалко? Он ведь сошел с ума»

«Не говорите так, отец, прошу вас, пощадите его!»

«Чушь!»

«Ну тогда, просто не убивайте его, послушайте, я сам сделаю это: куплю морфий и дам ему спокойно умереть».

Отец, не мигая, смотрел на меня:

«Ты – глупец в том, что касается чувств. Говоришь, что тебе жалко сумасшедшего кота... Ненормальный...»

«Отец, послушайте меня...»

«Болван!»

Сжатый кулак отца ударил меня в лицо

Потом он ушел.

В этот момент я почувствовал что-то странное. Теперь уже не во сне, а наяву я как будто слышал слова кота:

«Молодой господин, господин, спасите! Спасите!»

Более того, к звуку его голоса примешивались крики других котов и мышей, которые постепенно превратились в страшный, печальный хор:

«Молодой господин! Мы голодаем! Нас хотят убить!»

«Молодой господин, спасите!»

Их крики становились все громче, заполняли собой все пространство.

Я заткнул уши, но их крик проникал и сквозь заткнутые уши, пронизывал каждую клеточку тела – до кончиков пальцев. Их становилось все больше, и звук делался все громче. Казалось, что все мыши и коты, су-

ществовавшие от начала Вселенной, и их дети и внуки, которые еще не родились, усиливают этот крик, этот звук. Я не понимал ничего, совсем ничего. Мир закружился вокруг, словно черный водоворот, была только одна мысль:

«Я больше не могу!»

И я ясно понял, что сошел с ума.

«Зерна! Зерна! Зерна!»

«Молодой господин, помогите! Мы голодаем! Нас убивают! Молодой господин, спасите нас!!!»

«Сестра! Сестра!» – позвал я служанку в полубессознательном состоянии. Она заглянула в дверь:

«Что случилось?»

«Подойди!»

«Что случилось?» – служанка сделала пару шагов вперед, на лице ее было удивление.

«Подойди поближе, еще ближе. Сюда...»

«Молодой господин, что с вами?»

Я прошептал прямо ей в ухо: «Сестра, купи мне морфий...»

Служанка испугалась: «Ой, зачем вам морфий?»

«Я больше не могу. Я глупец, я идиот, я сумасшедший».

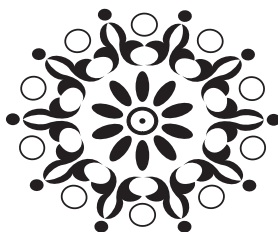
Служанка побледнела: «Ох, страх какой, молодой господин! Что же с вами такое?»

«Сестра, я... мне кажется, что и мыши, и коты, и вы, служанки, мы все братья и сестры... Я не только так думаю, но и так чувствую, и это чувство такое сильное... Я ощущаю, что и мыши, и коты, и вы, служанки, мы все братья и сестры, которых я должен жалеть и любить...»

Мой голос дрогнул.

Служанка молча смотрела на меня.
В ее глазах стояли слезы.
Я бы хотел забыть этот день.
Как бы я хотел забыть тот день.
Однако...
Однако...

(перевод на китайский – Лу Синь)

Две смерти

1.

Была теплая, радостная весна, солнце, перебираясь с востока на запад, свободно путешествовало в небесной высоте. Иногда по голубому небу скользили прекрасные облака, словно персиково-розовые лодочки по спокойному морю. Жаворонок, как будто желая догнать их, напевая какую-то веселую песню, летел все выше и выше, туда, куда не достигает взор. В построенной в конце улицы больнице было тихо. Тихими были и больные, любовавшиеся цветами в больничном саду. В особой палате больницы дожидался визита смерти мальчик из богатой семьи. Чтобы ему не было одиноко, тут же находился и добродушный сенбернар, и две канарейки в клетке, певшие мальчику прекрасные песни, а в вазе распустились яркие цветы. В палате напротив, как будто тоже для того, чтоб мальчику из богатой семьи не было одиноко, лежал другой мальчик – из семьи рабочего, который постоянно тепло улыбался ему. Сын рабочего также ждал прихода смерти. Он ждал ее с самого рождения – и когда пил молоко больной матери, и когда, став постарше, помогал ей, и когда начал рабо-

тать вместе с отцом на заводе. Каждый, кто его видел, непроизвольно думал: почему смерть на забрала его раньше? Непонятно, почему она медлит.

У этого мальчика в палате не было ни лежащего у ног добродушного сенбернара, ни милых канареек в клетке, ни прекрасных цветов в вазе. Но при виде богатого мальчика, который, также как и он, из окна палаты наблюдал за ярким солнцем, свободно путешествующим с востока на запад, и за облаками персикового цвета, плывущим в голубом небе, сын рабочего чувствовал к нему теплую любовь и родственные чувства – как к брату. Поэтому и сенбернар, и канарейки, и цветы как будто принадлежали и ему тоже. Он полюбил мальчика из богатой семьи и чувствовал, насколько они близки.

2.

Опьянев от весны, Смерть тихо бродила по больнице, белоснежная вуаль скрывала ее лицо, в руке была коса.

«Все умирают. Все рождаются, чтобы умереть. Старые и молодые, красивые и уродливые, те, кто любят, и те, кто любим, бедные и богатые, умные и глупые, даже короли и нечистая сила – все умирают. Мне нет никакой разницы. Я же анархистка и ратую за равенство.

Цветы распускаются, чтобы затем умереть. Птицы поют для смерти. Люди дышат ради смерти. Как замечательно! Я люблю разрушение, потому что я веселая!»

Смерть тихонько шла, бормоча себе под нос. Белоснежная вуаль скрывала лицо, а в руке она держала косу.

Но никто не слышал ее голос. Из-за облаков персикового цвета, которые плыли словно кораблики по волнам небесной лазури, из-за внезапно раздавшейся жизнерадостной песни жаворонка, из-за теплого весеннего ветра и прекрасного аромата цветов, к которым примешивался легкий шепот, голос Смерти не услышал никто.

Смерть тихо вошла в палату к мальчику из семьи рабоче-го, который как раз рассматривал голубое небо и не почувствовал, как она подошла к нему.

«Эй, паренек! Так не пойдет! Ты должен умереть!»

Мальчик взглянул на ее закрытое белой вуалью лицо:

«Ты говоришь, что я должен умереть... А разве я жил до этого?»

«Что? Ты что, не понимаешь, жил ты до этого или нет?»

«Да, совсем не понимаю. Хотя сегодня у меня возникло легкое сомнение: неужели я живу?...»

«Ну и глупый ты! Вот поэтому я и говорю: пролетарии – самые неприятные, потому что для них все одно – жить или умирать. Они не понимают ценность жизни. Совсем неинтересно забирать их жизни. – сказала Смерть сама себе, а потом обратилась к мальчику – Эй, паренек! Я тебе продлю жизнь еще немного, но взамен ты должен отдать мне жизнь своего самого любимого друга, идет?»

«Жизнь друга?» – мальчик удивленно посмотрел на лицо, скрытое вуалью.

«Да, жизнь того богатого мальчика» – острым концом сверкнувшей холодным серебром косы Смерть указала на мальчика из богатой семьи, который в этот момент сидел у окна и любовался голубым небом.

«Его жизнь – это его жизнь. Я не понимаю, как я могу ее отдать?»

«Не надо рассуждать о глупых прописных истинах! Судьба всего, что ты любишь, находится в твоих руках. Только скажи, что отдаешь мне, и все!»

Мальчик с подозрением смотрел на Смерть.

«Это правда? Жизнь всех, кого я люблю, в моих руках?»

«Правда! Давай скорее, говори!»

Мальчик тихо рассмеялся.

«Ну кто еще противнее пролетариев? Вот некультурный!»

Смерть сердито взмахнула косой, а мальчик только рассмеялся.

«Вот сейчас я чувствую, что живу! Как весело! Вот поэтому я и смеюсь!»

«Ладно, хватит! Скорее отдавай мне жизнь того мальчика!»

«Нет! Раз жизнь тех, кто мне дорог, в моих руках, то не для того, чтобы отдавать ее Смерти, а чтобы защищать от Смерти!»

«Ты специально говоришь этот вздор! Вот поэтому я и ненавижу пролетариев! Эй, парень, не время раздумывать! Отдавай мне жизнь друга или умри сам! Выбирай что-то одно!»

«Лучше умру я сам» – мальчик безмятежно улыбался.

«Судя по всему, ты так и не понял цену жизни, болван!» – Смерть, разволновавшись, описала пару кругов своей косой.

«Ладно, ладно, Бог с ней, с жизнью друга. Отдай тогда мне жизнь того сенбернара».

«Нет, нет, не отдам! Ничего не отдам, кроме своей собственной жизни».

«Болван! А как насчет канарейки?»

«Тоже не пойдет!»

«А цветы? Отдашь цветы?»

«Нет!»

«Болван! Не знаешь цену собственной жизни! Вот поэтому я и говорю, что больше всего ненавижу пролетариев!» – с отвращением вслух подумала смерть, а потом грубо сказала мальчику: «Эй, парень, готовься к смерти!»

Смерть тихо вышла из палаты, сын рабочего продолжал улыбаться.

«Ой, как здорово! Ой, как радостно! Я живу! Я только сейчас отчетливо понял, что живу! Это чувство сильнее всего! Радостно! Как радостно!» Радовался в одиночку мальчик из семьи рабочего.

3.

Смерть тихо вошла в палату к мальчику из богатой семьи, но никто этого не почувствовал. Все опьянели от беспечного веселья и были погружены в прекрасную реальность. Канарейка рассказывала своему другу сенбернару легенду далеких тропических островов, которую слышала от своих родителей. Сенбернар слушал и думал, как бы ему хвостом отогнать приставучих мух. Ветер шептал что-то, сладкое как мед, распутившимся в вазе цветам. Мальчик смотрел на прекрасные облака персикового цвета, которые проплывали по голубому небу, словно лодочки по морю. Смерть остановилась рядом с ним и сурово сказала:

«Эй, паренек! Так не пойдет! Ты должен умереть!»

Исхудавшее от болезни бледное лицо мальчика посинело.

«Пощадите меня! Еще немножко, еще капельку! Дайте мне дожить до того момента, как эти прекрасные облака уплывут и солнце зайдет!»

«Не надо своевольничать! Даже я, и то никогда не своевольничаю».

«Но... но... дайте еще чуть-чуть времени... Пусть жаворонок скроется в ветвях дерева, пусть канарейка допоеет свою песню... Пожалуйста, простите, дайте мне еще немного времени...»

«Ты согласишься отдать мне жизнь этого цветка? Жизнь того, что ты любишь, находится в твоих руках. Твою жизнь оставим до того, как улетит жаворонок, а согласен ли ты отдать мне жизнь этого цветка?»

«Да, согласен!»

«А жизнь канарейки?»

«Согласен»

«А еще твоего сенбернара?»

Мальчик печально уставился на лицо, закрытое белой вуалью.

«Сейчас не время раздумывать. Смерть уже рядом. Отдаешь ли ты мне жизнь этого сенбернара? Жизнь того, что ты любишь, – в твоих руках...»

«Да! Отдаю!»

«А еще жизнь твоего друга...»

Мальчик позеленел, лицо его выражало страдания. Как будто пытаясь заглянуть под белую вуаль, он, не отрываясь, смотрел на нее.

«Если ты согласишься, я продлю тебе жизнь – до того

момента, как уплывут эти облака персикового цвета и зайдет яркое солнце».

«Хорошо! Отдаю тебе!»

Смерть тихо вышла из его палаты, а мальчик долго-долго рыдал, зарывшись бледно-зеленым лицом в подушку.

4.

На следующий день состоялись похороны. Гроб, покрытый черным шелком, был красиво украшен цветами, присланными родными и друзьями. Цветы эти были уже неживые. Многочисленные друзья в красивых одеждах печально провожали этот гроб. То были похороны мальчика из богатой семьи.

В то же самое время проходили похороны и его соседа из палаты напротив – мальчика из семьи рабочего. Пара слуг положили его тело в ящик и понесли куда-то. И только молодая сиделка с лицом, скрытым белой вуалью, проводила гроб до ворот больницы. Из-под вуали непрерывно катились прекрасные слезы. Гроб уже почти скрылся из виду, как сиделка, как будто приняв решение, сказала:

«Я пойду, я обязательно пойду. Истина – там!» И она медленно отправилась в сторону квартала, где жили бедняки.

Кто-то прошептал, провожая ее глазами:

«Кажется, это Смерть. На лице – вуаль, а в руке – се-ребряная коса».

(перевод на китайский – Лу Синь)

Ради человечества

Предисловие

Как все, вероятно, знают, что, хотя мой отец и не слишком прославился, все же он был известным анатомом. А так как почти все его друзья занимались исследованием анатомии, среди них были те, кто использовал для экспериментов различных животных, и были те, кто, как и мой отец, не делал этого. Были еще и те, кто открывал клиники и ради своих экспериментов заставлял страдать тяжело больных пациентов. В те времена я часто слышал различные странные истории, то, что я поведаю вам сейчас – одна из этих историй.

1.

На одной большой улице жил известный анатом, по имени К. Своими исследованиями головного и спинного мозга он был известен не только среди отечественных ученых, но и среди ученых из далеких стран. В своей усадьбе этот ученый выращивал для своих экспериментов несколько сотен кроликов, мышей и собак. Хотя лаборатория находилась далеко от улицы, прохожие часто слышали страшные, страдальческие крики

этих животных, они как будто хотели сообщить человечеству о своих чувствах, и крики эти проникали прямо в сердце. Прохожие сначала перепуганно замирали на месте, а потом говорили: «А-а-а, это исследования того ученого-анатома!» И они спешили поскорее уйти от его усадьбы. Но те, кто жили в самой усадьбе, и ближайшие соседи каждое утро слышали эти крики боли, и поэтому, какими бы печальными ни были эти крики, раздававшиеся из лаборатории, ни одного из них это уже не трогало. И только маленький сын ученого никак не мог к ним привыкнуть. Когда крики были особенно жалобными, он, заткнув уши руками, выскакивал из дверей и, словно сумасшедший, мчался, куда глаза глядят, не разбирая дороги, лишь бы подальше от этого места. Узнав об этом, ученый сильно разгневался и сказал: «Вот глупый ребенок! Дегенерат!» Он вглядывался в лицо сына, потом резко взмахнул рукой перед лицом, как будто отгоняя какую-то страшную мысль, и удалился в свою лабораторию. Пару дней он никуда не выходил, полностью погрузившись в свои опыты. В те дни крики животных были совсем жалобными, страдальческими. Даже соседи, не говоря уж о родных, ясно понимали, что ученый-анатом расстроен.

У мальчика была любимая собака по кличке Л. Это был самый замечательный и сообразительный пес из всех – и тех, что выращивались в усадьбе, и живших по соседству. Ученый каждый раз улыбался, глядя на его голову. Однажды (в этот день мальчику исполнилось девять лет) ученый был расстроен больше, чем обычно. Из лаборатории раздавались еще более душераздирающие крики боли. Мать, опасаясь, как бы маленький

сын опять не убежал куда-нибудь, присматривала за ним. Мальчик изо всех сил затыкал руками уши, стараясь не слышать. В этот момент раздался страшный, пронзительный, полный боли визг собаки. Побледнев, мальчик спросил: «Мама! Это же Л.! Это Л.! Это Л.! Точно Л.!» Забыв обо всем, он вырвался из рук матери и помчался прочь. Он ворвался в лабораторию с криками «Отец! Отец!», прыгнул к анатомическому столу и схватил острый скальпель. Глядя на сына – на его широко открытые немигающие глаза, застывшее, словно лед, страшное выражение лица, на пену, выступившую на дрожащих губах, ученый в ярости заорал: «Тупица! Идиот! Дегенерат!» и огромным ножом ударил его по голове. Прибежавшая за сыном мать закричала: «Ты! Ты!» и повисла на руке мужа. Но она не могла остановить его – нож вонзился в голову мальчика. Тот охнул, обхватив окровавленными руками голову, и упал на анатомический стол рядом с собакой. Мать ошеломленно глядела на державшего в руках нож мужа, который как будто не видел собственного сына, лежавшего на анатомическом столе:

«Ох! Ты..! Ты..!»

Ученый в изумлении смотрел на капли крови, стекавшие по ножу, и, не отдавая отчета в своих действиях, продолжал кричать: «Тупица! Псих! Дегенерат!»

«Ох! Ты..! Ты..!»

А рядом с собакой тихо лежал мальчик.

2.

Однако ребенок не умер. Отец сам лечил его. Через три месяца мальчик был полностью исцелен, остался лишь широкий шрам, проходивший ото лба к затылку. Но мне неизвестно, залечились ли душевные раны мальчика. Л. тоже не погиб. Спустя какое-то время он, как и прежде, с лаем носился по двору усадьбы. Но мне тем более было неизвестно, прошли ли и его душевные раны.

Ради лечения сына ученый три месяца не мог заниматься своими опытами. Поэтому, после полного выздоровления мальчика, он с удвоенным усердием взялся за свои исследования. Полные боли крики животных после трех месяцев спокойствия, казалось, стали даже более нестерпимыми. Люди посмеивались над ученым, говоря, что он мстит невинным животным. Тем временем настроение ученого ухудшалось с каждым днем. Даже хорошо знавшие его друзья, глядя на его печальное и измученное лицо, нервно подергивавшееся время от времени, видя его острый взгляд, ставший таким из-за упрямства и усталости, чувствовали, что происходит что-то странное, что-то страшное.

Однажды анатом К. сказал пришедшим к нему друзьям:

«Мы ради наших исследований загубили столько лет жизни и многие тысячи животных, а в результате получаем всего лишь гипотезы. Но, чтобы получить аналогичный результат, всего лишь требуется две-три недели, чтобы успешно, методично...»

Друзья в удивлении смотрели на него. В их глазах явно читалось подозрение.

«...Если бы я мог вместо зайцев и собак использовать живых людей...» В его глазах мелькнул черный свет.

«Ох! Ты...! Ты..!» – только и смогла произнести его жена.

Ученый тихим голосом продолжил: «Если бы мне разрешили провести эксперименты над одним, всего лишь одним человеком, пусть это был бы даже умственно отсталый, то я за пару недель завершил бы мои исследования мозга и представил вам! Как бы от этого выиграла наша страна, да и все человечество в целом! Нужен всего один, пусть даже слабоумный, всего один... Ради человечества...»

Взгляд его странно сверкавших черных глаз остановился на голове сына, послушно сидевшего в углу комнаты. «Мама! Мама!» – инстинктивно закричал мальчик. Гости сидели как каменные и смотрели на ученого, боясь пошевелиться. Супруга ученого дрожала всем телом, всеми силами пытаюсь укрыть сына от взгляда мужа.

«Ох! Ты...! Ты..!»

Снаружи раздался пронзительный звук, горестный лай Л., казалось, проникал глубоко-глубоко в душу.

В тот вечер, собираясь ложиться спать, мальчик позвал мать, обхватил ее руками и прошептал на ухо:

«Мама! Мама! Если ради человечества, то ничего! Скажи отцу. Пусть и меня, как и нашу собачку... Ничего страшного, раз это ради всего человечества...»

Разве можно описать словами, что творилось на душе матери, когда она услышала эти слова? Я, по крайней мере, не могу это сделать. Она крепко прижала к себе сына и все повторяла и повторяла: «Сынок! Сынок!» В тишине ночи был слышен печальный, проникающий в самое сердце, крик.

3.

Это была темная ночь. Мальчик никак не мог заснуть. Он дождался, когда в комнате матери станет тихо, выбрался из кровати и побежал на улицу. Там он стал звать своего пса: «Л.! Л.!» Словно привидение пес вылетел из темноты и внезапно заговорил с мальчиком: «Ох! Хозяин! Хозяин!»

Мальчик протер глаза и подумал: «Может, это сон? А если нет. Разве может собака говорить?»

Однако Л. продолжал: «Пожалуйста, господин, пойдите ко мне, мне надо с вами поговорить...» Он говорил и тянул мальчика за подол пижамы в темноту.

«Можно и пойти, но почему ты разговариваешь? Если бы ты лаял, то это было бы привычнее»

«Разве такого никогда не может быть? Ничего страшного, если ты скажешь собаке пару слов».

«Если так, то можно и поговорить, но если это не сон, то это невозможно!»

Так, разговаривая, мальчик вместе с псом дошел до маленькой конуры. Самое странное, что мальчик спокойно смог пройти в дверь конуры. Внутри сидела женщина сорока лет, похожая на его мать, а рядом с ней – мальчик-ученик средней школы, похожий на кузена. Л. сказал:

«Мама! Я привел хозяина!»

«Хорошо» – мягко сказал женщина, поклонившись.

«Извините, что пришел на встречу в пижаме, прошу прощения!» – смущенно ответил мальчик с поклоном, а про себя подумал: «Вот ведь пес! Скотина! Завтра проучу его!» Он бросил взгляд на Л. Оказалось, что пес уже встал на задние лапы и стащил с себя собачью шкуру,

словно школьник стаскивает форму, сапоги и перчатки и превратился в симпатичного мальчика того же возраста.

«Да ты издеваешься!» – удивленно сказал первый мальчик.

Не обратив внимания на его слова, Л. сказал: «Знаешь, это моя мать?»

Женщина опять скромно и почтительно поклонилась: «Я – его мать, меня зовут Х. Я бесконечно благодарна вам за то, что, сами того не зная, вы заботились о моем сыне».

«Что вы! Что вы!» – хотел ответить мальчик, но что-то как будто застряло в горле, и он не смог вымолвить ни слова.

«Я очень признательна вам за сегодняшние кости и хлеб».

«Нет, не стоит благодарности!» – опять хотел ответить мальчик, но слова застряли и он лишь слегка поклонился в ответ.

«А это – С., мой кузен. Но только если его отец – наш пастуший пес, тогда он мне настоящий кузен, а если пес по кличке Иван, принадлежащий тому богачу, то он не имеет ко мне никакого отношения».

Пятнадцатилетний молодой человек по имени С. отвесил небольшой поклон, словно третьекурсник первокурснику. Мальчик подумал: «Какой неблагодарный! Скотина! Надо будет завтра пнуть разок...», однако вслух ничего не сказал, лишь скромно поклонился в ответ.

Л. и мальчик поцеловались, и Л. сказал: «Хозяин, давайте померяемся силами. В этот раз я вам не проиграю!» И они начали играть, а С. был судьей и с криками бегал вокруг них. Потом мать наградила их, мальчик получил

рыбью голову, а Л. – рыбий хвост. Мальчик из вежливости отказался есть и отдал свой подарок С.

Хотя игра была очень интересной, мальчик никак не мог отвести взгляд от собачьей шкуры, сброшенной Л. Он даже воспользовался передышкой и взял ее в руки, очень осторожно и внимательно ее осмотрев. Увидев это, С. слегка улыбнулся, как улыбается взрослый малышу.

«Господин, чему вы удивляетесь? Ведь собаки, коровы, птицы и даже рыбы – все похоже на людей, отличается лишь одежда» – сказал С.

«Какой невежливый!» – опять подумал мальчик.

«Несколько тысяч лет назад наша одежда была такая же, как и у рыб. Когда говорят о том, что наши предки носили одежду волков, так речь идет о гораздо более позднем периоде. Господин, хотя мы и не знаем точно, через сколько тысяч лет, но мы будем, так же как и ты, гордо расхаживать в европейских костюмах» – продолжил Л.

«Говорят, это и называется эволюцией...» – робко вставила мать.

«Но про людей нельзя сказать, что они все эволюционируют, очень много тех, кто деградирует...»

Мальчик покраснел и подумал: «Скотина! Он же про меня говорит, он слышал, что говорил мой отец. Завтра точно надо будет побить его».

«Настоящих людей, не так уж много. А вот деградировавшие не могут просто сменить шкуру на собачью или тигриную, и поучиться, как опять эволюционировать в человека» – говоря это, С., не мигая, смотрел на мальчика.

Однако мать Л., глядя на покрасневшее лицо маленького господина, обеспокоено утешила его: «Пожалуйста, не сердитесь. Это не касается вашего отца».

Мальчик не отвечал, он надел шкуру Л. Л., смеясь, кричал: «Как весело! Как весело!» и помогал ему одеваться. Мальчик надел перчатки и шапку, натянул сапоги, все в восторге зааплодировали: «Какая милая собачка!»

4.

Яркое утреннее солнце заглянуло в комнату, где спал мальчик, его лучи радостно заплясали на его красивом лице и на стене. «Ой! Как жарко!» – проснувшись, сказал мальчик. «Ох, ерунда какая! И людям снится всякая ерунда – что я надеваю собачью шкуру Л, например» – говорил мальчик сам себе. Он взглянул в зеркало на противоположной стене, в нем отражался пес, в изумлении уставившийся на мальчика. «Ой! Беда! Я стал собакой! Мама! Мама! Я стал собакой! Стал Л! Я – деградировавший человек! Мама!»

Его мать как раз подавала отцу еду. Она, услышав доносившийся из комнаты крик сына, сказала: «Что он там делает?» И пошла в комнату мальчика. Остановившись у двери, она заглянула внутрь и увидела, что ее сын бегает по комнате, словно собака, и лает: «Гав! Гав!» или кричит что-то совсем неразборчивое.

«Сынок! Сынок! Что случилось?!»

Увидев мать, мальчик подбежал к ней, как собака запрыгнул к ней на колени и начал лизать ей руки. Из его рта вырывался лишь лай: «Гав! Гав!».

«Что там происходит?» – раздался голос отца из столовой.

«Ничего! Все в порядке! Не ходи сюда!» – с этими словами мать заперла дверь. Она крепко прижала сына к груди, пытаясь поцелуями прекратить этот страшный лай, чтобы он не достиг ушей отца.

Солнце было уже высоко, его лучи освещали все уголки комнаты, радостно прыгая и танцуя повсюду.

Ученый появился перед окном всего на мгновение, и этого мгновения ему хватило, чтобы оценить всю обстановку, а потом он удалился в свою лабораторию. Вскоре оттуда раздался полный боли и страдания, вой собаки, которая, казалось, обезумела. Эти звуки составляли странный дуэт с лаем мальчика, и аккомпанементом звучал печальный голос отчаявшейся матери, повторявший «Сынок! Сынок!»

Яркий луч солнца соответствовал этому странно-му и печальному хору, быстро и весело танцуя по всей комнате.

Опять наступила ночь. Все вокруг погрузилось в глубокий сон. Уставшая мать мальчика, нежно обнимая любимого сына, заснула прямо в одежде. Как будто дождавшись этого, мальчик выскользнул из ее руки и поспешно побежал наружу. В темноте ночи он шел к дому своего пса. Там его уже ждали Л., его мать и С. Увидев его, они сказали: «Хозяин, хозяин! Скорее снимайте одежду пса! Какая вышла неприятность!» И они помогли мальчику снять одежду его друга Л.

«Ох, какая беда приключилась! Никто не понимал, что я хочу сказать... Я так расстроен».

«Да, не представляю, как сильно расстроена твоя мать. Скорее возвращайся, доставь ей радость!» – сказала мать Л., провожая его до дверей.

«Приходи еще. Мама говорит, что сошьет тебе одежду – такую же, как и у меня. И тогда мы сможем вместе играть в игры собак!» – сказал Л.

Мальчик вренулся к себе в комнату. Мать все так же спала одетой на кровати. Ее лицо, освещенное лампой, не сильно отличалось от лица матери Л. Разве что глаза были опухшими от слез, и от печали лицо побледнело. Мальчик какое-то время смотрел на лицо матери, потом потрогла ее за плечо и сказал:

«Мама! Я опять стал прежним! Еще не полностью деградировал!»

Мать очнулась ото сна.

«Мама! Люди и собаки отличаются только одеждой, а на самом мы одинаковые. Я ничем не отличаюсь от Л. А его мать, Х., похожа на тебя».

Мать с радостью смотрела ему в лицо. В ее глазах сверкали прекрасные словно яшма слезы, которые тихонько катились по лицу, капля за каплей.

5.

Исследования ученого-анатома потихоньку продвигались вперед. И чем дальше они шли, тем дольше взгляд ученого застывал на голове у Л. Голова Л., его умный, совсем человеческий взгляд – в глазах ученого именно это выделяло его среди других животных. Однако, о том, что разлучить мальчика и Л. невозможно, знали все. Они и, правда, стали единым целым. Но однажды Л. пропал, и никто не знал, где он. А ученый, опасаясь, что как в про-

шлый раз кто-то войдет в лабораторию и помешает его исследованию, повесил на дверь замок и крепко запер ее.

Вместе с Л. пропал и сын ученого. Мать, словно обезумев, искала его повсюду, в поисках ей помогали соседи и даже полиция, однако мальчика так и не нашли.

Спустя пару дней мать появилась в лаборатории мужа.

«Эй, нашего сына не нашли».

Ученый не отвечал.

«Эй, а что с Л.?»

Ученый, по-прежнему молча, указал на стену, где висела шкура собаки.

Мать взяла шкуру в руки и пристально взгляделась в нее, внезапно, она сказала мужу, указывая на то место, где была голова: «Эй, взгляни! На голове Л. не должно быть такого шрама! Посмотри!»

На голове отчетливо виднелся шрам от огромного скальпеля с передней части к затылку. Ученый молчал, однако шкуру изучил.

«Посмотри! Такого шрама ведь не должно быть на голове Л.!»

«Ты – сумасшедшая!» пробормотал он дрожащими губами.

«А если я сумасшедшая, то можно и меня вскрыть, на пользу исследованиям мозга, ради счастья всего человечества!..»

Через какое-то время и жена ученого пропала, и ее больше никто не видел. Даже среди друзей никто не знал, где она. Однако служанка соседней говорила, что жена ученого не выходила из лаборатории. Соседи и друзья думали, что мальчика увезли к родственникам,

которые теперь воспитывают его. Однако служанка соседей и рабочий говорили, что в тот день, когда мальчик пропал, они отчетливо слышали его печальный, полный боли крик, доносившийся из лаборатории. А некоторые еще утверждали, что видели в усадьбе духов мальчика и его матери.

Спустя две недели после этих событий было опубликовано новое исследование, посвященное мозгу и принадлежащее перу анатома К. Оно стало революционным событием не только в этой стране, но и во всем мире. Когда единомышленники проводили съезд, посвященный различным исследованиям, К., присутствовавший там, сказал следующее: «То, что я смог за кратчайшее время закончить исследование, для которого требуются десять лет, это полностью заслуга нашего домашнего, умнейшего пса». Все его друзья думали, что он имеет в виду Л.

Спустя какое-то время во время очередного опыта К. укусила бешеная собака, и он умер. После его смерти на столе нашли такое письмо:

«Меня укусил бешеный пес, я точно умру, и все из-за маленькой, милой собачки... Когда я был полностью сосредоточен на своем эксперименте, она тихо вошла в лабораторию. Зачем? Ее остановившийся взгляд, широко открытая пасть с высунутым красным языком и мутно-белой пеной, капавшей с нее – любой, кто бы ни взглянул на нее, понял бы, что эта собака – бешеная. И я, естественно, понял это и схватил огромный анатомический скальпель. Но мои руки, которые до этого вскрыли тысячи сильнейших псов, никак не могли побороть силу этой собаки. Я мог бы сбежать, но стоял, не двигаясь. Почему? Я не знаю, я не психолог, я всего лишь анатом. И тогда

маленькая, милая собачка укусила меня. А спустя мгновение она улеглась у меня на коленях и даже облизала мне руку. Я даже своих детей не часто целовал, но эту собачку я поцеловал несколько раз. И в этот момент мне впервые в жизни захотелось написать стихи. Мне захотелось попробовать сыграть ноктюрн Шопена или «Пробуждение весны» Грига. Я удивлялся, почему я никогда не рассказывал прекрасные сказки. Я умираю, обняв эту маленькую собачку, напевая «Аве Мария» Шуберта...»

На этом письмо обрывалось. Самым непонятным в смерти К. его друзья считали то, что собака, которую обнимал ученый – это был Л. Тот самый умный пес, который, как считали друзья, помог К. в кратчайшие сроки закончить его исследования.

6.

Это случилось несколько лет назад. Я отправился навестить одного известного ученого-анатома, который с университетских времен относился ко мне с любовью. Построенная им больница и лаборатория обладали несравнимой ни с чем славой. Он только что закончил свои эксперименты и стоял, опершись на анатомический стол, а я полулежал на кушетке и смотрел на него. На его вечно усталом, изможденном, бледном лице горел огонь творчества. Этот ученый также занимался изучением мозга и поэтому я, естественно, заговорил о К.:

«Трудно найти кого-то, кто обладал бы такой же глубиной и тщательностью в исследованиях, как он. Возмож-

но, и через пару сотен лет вряд ли найдется что добавить к его трудам. У него действительно был непостижимый дар. Это правда. Но если внимательно изучить материалы его исследований, то чем больше вчитываешься, тем больше кажется, что он использовал не такие материалы, как остальные анатомы».

«Материалы?»

«Да, материалы». Я в недоумении посмотрел на него.

Ученый загадочно улыбнулся. Я опять недоуменно взглянул на него, он шепотом продолжил:

«К. совершенно точно для своих экспериментов препарировал, как минимум, двух живых людей. Это точно. Ты ведь слышал о его жене и сыне?»

«Слышал. Отец рассказывал, что сын пропал еще маленьким, а через пару дней после его исчезновения и жена уехала».

«Ну да...» – он как бы думал вслух – «Как минимум двое...»

Я молча опять уставился на него. Ученый сказал, ни к кому не обращаясь:

«В современном обществе приличных молодых людей убивают ради земли и коммерческой выгоды, для удовлетворения амбиций политиков и военных, и никто не считает это чем-то особенным. А ради человечества, ради счастья людей, ради научных экспериментов талантливого и трудолюбивого ученого, не разрешают убить даже одного умственно-отсталого человека, это и есть наша гуманность. Это наша цивилизация двадцатого века, которой мы так гордимся...»

Он насмешливо улыбнулся, а в руке у него был скальпель. Он взволнованно вскочил и инстинктивно запер дверь лаборатории.

«Так называемые образцовые граждане убивают людей ради выгоды, власти, в борьбе за женщин, они идут на любое преступление. А ради прогресса и счастья всего человечества нельзя убить одного идиота. Это и есть мораль современных просвещенных людей!» В его глазах горел сумасшедший огонь, а скальпель, зажатый в его руке, причудливо сверкал перед моими глазами.

Бежать было некуда, да я и не думал бежать, а лишь на уровне подсознания, инстинктивно прикрыл руками голову.

«Если ради человечества, то ничего страшного... Однако, если это сделать, будет плохо... Нельзя, чтобы кто-то узнал, чтобы узнала полиция...»

Ученый внезапно успокоился. В его глазах уже можно было разглядеть ту теплоту и любовь, которую я видел в университетское время. Он опустил скальпель и, как обычно, обнял меня:

«Я пошутил, ты ведь понимаешь?»

«Конечно, понимаю»

«Всего хорошего» – сказал он, открывая дверь и пожимая мне руку.

«Но, – я крепко пожал его руку, – если ради человечества, то я готов в любое время. В случае необходимости тайно известите меня... Потому что я готов, как та собачка... Только не надо никому говорить, надо хранить все в секрете»

Вернувшись домой, я сразу же прошел в лабораторию отца.

«Отец, что же все-таки случилось с ребенком и женой К.?»

«С ребенком и женой К.?» – отец испуганно посмотрел на меня. «Как я тебе всегда говорил – они оба исчезли».

«И ничего более?»

«И ничего более».

«Но ведь если изучить его исследования, то видно, что он использовал в своих экспериментах, по меньшей мере, двух живых людей».

«Хм-Хм... Это все слова твоего друга-ученого. Ты спроси его, сколько он сам убил ради того же самого».

«И что же в результате?» Я, ничего не понимая, смотрел на отца.

«Все так запутано. Даже построив большую больницу и убив сотни больных, можно не извлечь никакой пользы. Но если есть талант, то и мышей достаточно. Все эти слова о прогрессе, который возможен только при нужных материалах, могут говорить только бездарные люди».

«Однако, отец, есть ли у вас неоспоримые доказательства того, что К. не убивал своего сына?»

«Есть! Есть неопровержимые доказательства».

«Что за доказательства?»

Отец странно посмотрел на меня, я инстинктивно двумя руками обхватил свою голову. Но голове был шрам, шедший ото лба к затылку, только сейчас я осознал это.

«Отец! Сын господина К. – это я? А тот ученый – мой двоюродный брат?»

«Я ничего не говорил. Разве я открывал рот?»

«Отец, это ложь! Когда это отец хотел меня вскрыть собственными руками?»

«Это возможно...» – говоря себе под нос, отец обернулся ко мне.

Глядя на эту сцену, я надолго замер в недоумении.

(перевод на китайский – Лу Синь)

Страна Радуги

1.

Хиноко была хорошей девочкой. Она всегда слушалась папу и маму, любила свою куклу Куми и кошку по имени Тама и всегда о них заботилась.

Родители Хиноко, как и все родители, были хорошими людьми. Они целый день трудились, не пили вино, не курили, зря не тратили ни копейки. Они обожали Хиноко, однако девочка никогда не наедалась досыта. А уж сладости она ела меньше, чем три-четыре раза в год – только в Новый год, в праздник Уллабана и другие праздничные дни.

Старшая сестра, старший брат Хиноко и два ее младших брата умерли, не дожив до семи лет. Доктор сказал, что это все от недоедания.

Хиноко исполнилось десять лет. С каждым днем она таяла, словно свеча. Глядя на нее, мать печально говорила отцу: «Наша девочка тоже родилась под несчастливой звездой, и имя у нее не предвещает счастья. Давай дадим ей другое имя, как ты на это смотришь?»

«Мы все несчастливые, все родились под несчастливой звездой. Но есть более понятная причина наших не-

счастлией!» – отвечал отец, грозно размахивая кулаками, его глаза страшно сверкали.

Однажды одна богатая женщина сказала: Жаль, что такая сообразительная и добрая девочка живет в такой нищете. Она захотела удочерить Хинокю. Женщина говорила, что даст Хинокю любую еду, какую та пожелает, сошьет любую прекрасную одежду. Родителям Хинокю было горько расставаться с дочерью, однако, если думать о самой девочке, то ей лучше жить в богатой семье, а не в такой бедной. Поэтому они согласились сделать так, как говорила эта женщина. Услышав это, Хинокю расстроилась и сказала: «Если я не могу жить с мамой и папой, то лучше умру!»

Отец попытался ее соблазнить: «В богатой семье каждый день можно есть пирожные и фрукты, носить красивые платья, весело играть с другими девочками, похожими на куколок, в роскошной гостиной». Хинокю, по-прежнему, не обращала внимания на эти слова.

«Если папа и мама не могут есть досыта, то мне не нужны красивые платья. А если бы они у меня были, то не доставляли бы радости. Я не хочу, чтобы меня дарили той богачке. Скорее откажитесь! Почему, если она такая сердечная, то хочет увести меня? Ох, скорее откажитесь! Я не хочу! Не хочу!» – говорила Хинокю.

Девочка постепенно чахла. Доктор сказал, что это малокровие, вызванное недоеданием, и поправиться она может, если будет много есть.

Богатая женщина, которая уже считала Хинокю своей дочерью, узнав, что девочка больна, послала ей пастилу из боярышника, пирожки с персиками и другие вкусные сладости. Бедная Хинокю увидела все эти подарки и ра-

достно заулыбалась. Мать подогрела воду, бросила в нее чайные листья, а сладости положила в красивую миску, подаренную в марте для куклы⁵, и сказала Хиноко: «Поешь побольше!» Отец тоже улыбался, глядя на эти подарки. Поначалу дочка взяла одну пастилу, но тут лицо ее внезапно стало печальным, и она положила пастилу, которую хотела съесть, обратно в тазик. Мать грустно спросила: «Что случилось, Хиноко? Почему не ешь?»

«Я не могу это есть. Я чувствую себя виноватой, что не могу есть все эти сладости вместе с Ханако, Аико и Митико. Мне кажется, что я не должна есть эти подарки одна, без друзей» – твердо сказала Хиноко.

Отец с матерью переглянулись, однако мать ни слова не промолвила и вышла наружу, а отец обнял дочь и погладил ее по голове.

«Папа! А где есть страна, в которой рабочие не бедствуют? Где есть такая страна, в которой дети рабочих едят досыта, носят красивые платья и живут в домах, крыша которых не протекает, и которые не пропускают холод и стужу?» – спросила Хиноко у отца.

«А... – сказал отец, слегка наклонив голову, – Есть, такая страна действительно существует и называется она – Страна Радуги».

«А мы, папа, сможем, туда попасть?» – спросила Хиноко, сверкая глазами.

«Конечно!» – уверенно ответил отец.

«Когда мы сможем попасть туда?»

«Хоть сейчас!» – отец говорил тихим, но резким голосом, губы его дрожали.

⁵ В Японии каждый год 3 марта празднуется Хинамацури («Праздник кукол») (прим. автора).

В этот момент в комнату вошла мать вместе с детьми соседней. Дети болтали с Хинокко, поедали сладости, пили чай. Отец Хинокко гладил детей по голове и рассказывал им историю о Стране Радуги. Ребятишки, открыв от изумления рты, с интересом слушали удивительную историю.

Отец продолжал свой рассказ: «Путь в эту страну труден. Чтобы туда попасть, надо перейти мост из Радуги, а это очень тяжело. Но не обязательно туда идти. Когда вы вырастаете и будете трудиться, наша страна будет такой же, как Страна Радуги». Слушавшие его дети, потом играли до самой ночи.

После этого здоровье Хинокко продолжало ухудшаться. Мать плакала, прислонившись к плечу мужа. А отец, глядя на спящую в кровати Хинокко, лишь сжимал кулаки и печально молчал.

Хинокко, лежавшая на больничной койке, смотрела через окно на небо. Она молчала, положив рядом с собой куклу Куми и кошку Тама. Доктор выписывал ей разные лекарства и говорил, как и раньше: если она будет много есть, то полностью поправится.

После этого прошло три дня, и все это время шел дождь. В полдень четвертого дня небо, наконец, прояснилось. Солнце, словно сочувствуя людям, страдающим от дождя, показало из-за облаков свое лучистое лицо. Хинокко страдала без солнца и поэтому была очень ему благодарна. Купленные отцом розы опустили головки, источая аромат, как будто жалея о короткой молодой жизни.

Хинокко любила эти розы. Она сокрушалась о том, что завтра они, возможно, завянут, и поэтому поцело-

вала их. Девочка подняла голову и увидела, что через все небо прямо к окну ее палаты протянулся мост из Радуги. Она подумала: «Как красиво!» На какое-то мгновение она растерялась. Ей показалось, что мост сейчас исчезнет, но тот не исчезал. Эта Радуга была удивительно прекрасна, она постепенно становилась все более яркой. Хинокко вспомнила, как отец рассказывал, что в Страну Радуги можно попасть, перейдя по мосту Радуги. Возможно, больше не будет такой возможности попасть в Страну Радуги, к тому же этот мост пересекает небо и подходит прямо к моему окну. Если сегодня не пойти, то потом вряд ли представится такой случай! Хинокко встала с кровати и подошла к окну. В этот момент мост засиял еще ярче всеми семью цветами, будто приветствуя девочку. Опершись о подоконник, Хинокко поставила одну ногу на мост. Мост из Радуги даже не шелохнулся, он казался очень надежным. Тогда девочка второй ногой ступила на мост, пошла, тихо считая шаги: «Раз, два, три...» Дрожа от страха, она шла по мосту из Радуги все дальше.

Поначалу Хинокко была смущена, на душе было тяжело, казалось, ее вот-вот вырвет. Но стоило ей только поднять глаза, как все тревоги исчезли. Хинокко подбадривала себя словами: ничего страшного, не надо бояться упасть, а, можно было бы идти и еще быстрее. Ее переполняла энергия, она упорно шла вперед, чувствуя, что ноги становятся все сильнее. Как будто во время соревнований в школе девочка размахивала руками, ее волосы развевались на ветру, она шла и смеялась, глядя на луну. Через какое-то время Страна Радуги смутно показалась вдали.

Хиноко говорила сама себе: еще немного, еще немножко! И, наконец, она дошла до Страны Радуги. Обернувшись назад, она, смеясь, сказала:

«Мама! Я уже в Стране Радуги!»

Мать Хиноко, увидев, что дочка крепко спит, подумала, пусть поспит, пока отец не вернулся с завода, и пошла готовить ужин.

Приготовив ужин, мать немного отдохнула, а потом зачем-то подошла к окну и увидела огромный и прекрасный мост из Радуги, который упирался в окно.

Эх, какой красивый радужный мост!

Мост, по которому можно попасть в Страну Радуги.

...Счастье... Оно есть только там...

Мать волей-неволей подумала об этом.

В ее непонятно из-за чего печальных и красных от усталости глазах стояли слезы.

В оцепенении она смотрела вдаль.

Ей показалось, что на другом конце радуги она видит силуэт Хиноко.

Это же действительно Хиноко!

Хиноко беспрерывно махала матери рукой.

Послышался ее голос: «Мама! Я уже в Стране Радуги!»

«Ох, как странно!» – с такими словами мать пришла в себя. Мост, который она только что видела, исчез, и только слышен был крик Хиноко.

«Ай... ай...»

Мать вошла в комнату, на ходу спрашивая дочь:

«Хиноко, ты уже встала?»

Она вглядывалась в лицо дочери. Оно было исхудавшим, спокойным, словно восковым, но оно сияло от радости, которую уже ничто не могло стереть с него. Белая

роза, стоявшая рядом, благоухала, как будто жалея о расставании с молодой жизнью.

«Хиноко! Хиноко! Хи..но..ко...» – несколько раз позвала мать, но Хиноко не отвечала. Ее милый, нежный голосок уже больше никогда не прозвучит в этом мире.

Уже все поняв, мать сказала: «Эх, она улыбается... Она уже в Стране Радуги! Будь же весела и счастлива!..»

И она опять подошла к окну.

«Я дома!» – раздался голос отца.

«Что случилось?» – спросил он, увидев жену, стоящую у окна.

Мать ничего не сказала, а лишь указала рукой на Хиноко.

«Ох... Она умерла?»

«Нет! Она ушла в Страну Радуги!»

На лице отца отразилась радость, он посмотрел на спокойное лицо дочери, он встал на колени и с нежностью поцеловал ее в холодный лоб.

«Для тебя это действительно хорошо... По сравнению с жизнью...»

Отец говорил тихо, но глаза его сверкали.

Мать нежно положила руки на плечи мужу, тоже подошедшему к окну:

«Эй!»

«Что?»

«...»

«Давай разведемся...»

«А, ты с ума сошла? Почему ты заговорила об этом именно сегодня?» – изумленно спросил отец.

«Нет, я не сумасшедшая! – мать указала рукой на тело Хиноко, – это уже пятый... Дети умирают с голода, я не

хочу больше рожать детей. Ведь все заканчивается одинаково. Я поняла, что не должна больше давать жизнь детям, чтоб они не умирали с голода. Ведь это же жестоко! Ведь это же безнравственно! Так, возможно, поступают звери, но не люди! Я считаю, что мы, рабочие, не имеем права рожать детей!

Я не разлюбила тебя, я люблю тебя так же, как и раньше! Но уже пятый наш ребенок умер от голода, это невозможно вынести. С меня достаточно! Это уже слишком! Ты можешь взять в жены другую женщину, а я готова одна прожить всю оставшуюся жизнь!»

Глаза отца странно сверкнули, его кулаки дрожали, яркая кровь упала с прикушенной губы на татами ⁶.

Заходящее на западе солнце было красным, словно кровь.

Муж и жена продолжали молчать, глядя на закат.

Отец тихо сказал: «Эх, возможно, завтра к утру настроение переменится и станет другим!»

Лицо Хинокэ было чистым, спокойным и счастливым. Маленькая белая роза, стоявшая рядом, благоухала, как будто жалея о расставании с молодой жизнью.

(перевод на китайский – Фу Цюань)

⁶ В Японии в жилище на пол стелют мат, шириной 90 см, длиной 180 см, высотой 5 см. Такой мат называется татами.

Мировой пожар

1.

Эх, одинокая ночь! Темная и холодная... Когда же она закончится?

Молодой господин, милый молодой господин, не можете заснуть? Как бы ни старались заснуть, никак не получается, эх, противная ночь! Что же делать в такую ночь? Хочется попробовать разные способы, чтобы уснуть, а тех, кто уснул, хочется заставить встать, проснуться.

Эх, тоскливая ночь! Все темнее и темнее, совсем не похоже на то, что когда-нибудь рассветет...

Дома, кажется, что блуждаешь по бескрайней пустыне, а сядешь к огню, кажется, что дует холодный ветер, и сердце словно покрывается льдом.

Эх, страшная ночь! Что же делать в такую ночь?

Однако, молодой господин, как бы ни было одиноко этой ночью, как бы ни было холодно, плакать нельзя! Идите сюда, я вытру вам слезы, посажу на колени, крепко обниму, приласкаю, возможно, станет теплее.

Говорят, счастье во сне?

Возможно и счастье... Будучи запертым в тесной клетке, тоже можно видеть сны о свободе, как бы ни было

холодно, можно видеть прекрасные сны о теплой весне.

Однако в такую ночь, если уж проснулся, то больше не заснешь.

Молодой господин, не выкурив опиум, не вколов морфий, невозможно заснуть, уже проснувшийся – это...

Опиум, морфий – все, что угодно подойдет, чтобы вы могли уснуть? Эх, бедный господин, как с вами быть? Я обниму вас еще крепче, запечатлею долгий поцелуй на ваших дрожащих губах и печальных глазах, только не надо больше говорить мне об опиуме и морфии. Твое желание принимать опиум обоснованно, естественно твое желание видеть сны о теплой весне и свободе. Но вместо того, чтобы курить опиум, уж лучше умереть, ведь тогда ты никогда не проснешься, можно вечно видеть сны о теплой весне и свободе.

Еще немножко...

Даже такая ночь когда-нибудь закончится и рассветет...

Все крепче и крепче обнимаю молодого господина, поцелую вас долгим поцелуем, и в ожидании рассвета расскажу вам какую-нибудь интересную историю.

Рассказы о древности, боюсь, вам не по вкусу, расскажу что-нибудь современное, детективное...

2.

Однажды мне по делам пришлось поехать в город С. Все гостиницы были переполнены, не было ни одной свободной комнаты, я совершенно не знал, что делать. В одной крупной гостинице один американец,

увидев мое трудное положение, сказал, что я могу немного пожить в его комнате. Я обрадовался и сразу же перетащил к нему чемоданы. Как сказал посыльный из гостиницы, человек, позволивший мне пожить в его номере, – это известный американский богач, все знают, что он – крупный промышленник города С. Говорят, что он за день выписывает многие счета на пяти языках. Услышав это, я успокоился. Во время ужина у всех собравшихся в столовой гостей были сонные лица, как будто они хотели спать и видеть сны о золоте и драгоценностях. А американский промышленник даже во время еды пересматривал счета и вел расчеты на пяти языках. Примерно в десять часов вечера мы с ним вместе сели у печки. По непонятной причине я чувствовал тревогу, изо всех сил старался не смотреть в сторону американца. А потом он, как будто приняв какое-то решение, посмотрел прямо на меня и сказал:

– Вы можете посмотреть на меня?

Я испуганно перевел взгляд на его чисто выбритое лицо. Его прозрачные, словно у хорька, глаза смотрели на меня острым взглядом, губы изогнулись в улыбке.

– Разве я похож на сумасшедшего?

– Ну что вы! У вас обычное лицо американца, – ответил я.

– Хотя я тоже так думаю, но, вам не кажется, что я уже умер? – спросил он.

– Да что вы! Вы выглядите живым и здоровым!

– Хотя я тоже так думаю... – машинально сказал промышленник, прикуривая сигарету.

Осенний ветер затянул тоскливую осеннюю песню в дымовой трубе. Дым от сигареты полностью скрыл лицо

американца. Это усилило мою тревогу. Спрятавшийся за дымом промышленник сказал:

– Когда я был молодым, то, как и вы, нынешняя молодежь, тоже любил разные игры. В Нью-Йорке все знают меня как игрока бейсбольной команды, я много раз получал золотые медали за победу в лодочных гонках и в марафоне. В катании на лыжах и на коньках я всегда был первым, а про танцы я и не говорю. Тогда все знали, что я жив, я и сам так чувствовал...

Он замолчал, мне хотелось бы, чтобы вы, молодой господин, могли увидеть его, похожего на призрака, скрытого за завесой дыма.

– Более того, тогда я думал, что живу в мире, несущем теплый свет. И в те времена никто не считал меня сумасшедшим и не хотел отправить в сумасшедший дом. Все считали мое мнение верным. Но однажды ночью меня разбудил холодный ветер. Пробудившись ото сна, я понял, что нахожусь в черной дыре под названием Нью-Йорк. Осенний ветер, тополь и клен из сада со словами: «Мы замерзли, нам нужен свет!», тянули ко мне свои ветки и стучали в окно. Я быстро поднялся и развел огонь в печке и включил электричество, зажег желтую керосиновую лампу и свечу в серебряном подсвечнике. Однако и ветер, и тополь и клен продолжали говорить: «Нам холодно, нам темно!», они протягивали свои ветви и стучали в окно. Я полностью открыл окно, ветер радостно ворвался в комнату, чтобы помочь огню, тополь и клен тоже протянули ветви в комнату, чтобы помочь мне. Я ясно слышал звуки, скрытые за пеленой ночи, они звали меня: «Нам холодно, нам нужен свет!»

Осенний ветер растрепал мне волосы, клен и тополь, что-то бормоча, яростно качали ветвями.

Я развел посреди комнаты огромный костер, изящное кресло и стол из сандалового дерева пошли на дрова. Но в такую темную ночь даже такой сильный огонь казался лишь слабой искрой. Пока я смотрел на этот огонь, слушал тоскливые звуки, раздававшиеся из темноты, у меня зародилось желание: чтобы, пусть даже всего на один час, эта ночь превратилась в свет, чтобы, пусть даже всего на один час, тот, кто скрывался в темноте ночи, смог согреться. Взяв огромный факел, я зажег огонь – дом за домом. А, какая светлая была ночь, и как было весело...

Он замолчал. Глядя на выражение его лица, я смог отчетливо представить то море, огня, что раздувал осенний ветер. В криках ветра в дымовой трубе я как будто слышал испуганные крики жителей Нью-Йорка и стон огня.

Иностранец улыбался.

– От гнева они решили меня бросить живьем в огонь. Но это было то, чего я сам страстно желал. Более светлой и теплой могилы в этом мире не сыскать. Я бежал к этой светлой, теплой, как будто приветствовавшей меня, стонущей могиле, проклиная темную ночь и восхищаясь морем огня.

Я мечтал вместе с языками пламени подняться в высокое небо, раствориться в нежности матери-Природы.

Однако я – несчастный, с проклятой судьбой, и мне предстояло очнуться.

В сумасшедшем доме Нью-Йорка я был связан по рукам и ногам, дни шли непрерывной чередой, несколько недель меня окатывали холодным душем с ног до голо-

вы, я был самым известным сумасшедшим не только в этом сумасшедшем доме Нью-Йорка, но и даже во всей Америке...

Будучи удостоенным вниманием самых известных психиатров Америки, я вскоре сам понял, что я – сумасшедший. А после того, как я это осознал со всей ясностью, ученые доктора стали говорить, что я полностью вылечился и могу возвращаться в сожженный дом.

Я перестроил комнату – она стала еще красивее, чем прежде. Я решил принять участие в парламентских играх – поучаствовать в гонке за президентство, это было интереснее, чем играть в бейсбол, веселее, чем карточная игра. Что же до лодочных гонок и тому подобных состязаний, то ни одно из них не может сравниться с проявлениями власти, например, на военном корабле пугать соседние страны или с самолета сбрасывать бомбы. И, несмотря на такую интересную жизнь, я все равно хотел еще раз устроить пожар. Но на этот раз не только в Нью-Йорке, но и на всю Америку или даже весь мир...

Его лицо показалось из-за дымовой завесы и приблизилось к моему. Я отшатнулся, дрожа. Он не обратил внимания и продолжил:

– Ты думаешь, это неосуществимо? Одному человеку, возможно, и сложно, но я уже не один. Ты ведь тоже мой единомышленник? Если повсюду зажечь огонь, как же будет светло! Как будет тепло! Я помчусь в эту волну огня, и на этот раз я не совершу ошибку и вместе с языками пламени поднимусь высоко в небо, растворюсь в нежности матери-Природы. Более светлой и теплой могилы в этом мире не сыскать...

Я поднялся и сказал:

– Ты сумасшедший, действительно сумасшедший.

И с этими словами я выбежал из комнаты. Американец громко расхохотался мне вслед. В холле гостиницы я увидел, что хозяин еще более бледен, чем я, а с ним вместе трясутся от страха двенадцать-тринадцать посыльных.

На мой вопрос «Что случилось?» они молча указали на окно. Выглянув на улицу, я увидел, что она заполнена полицейскими патрулями и следователями. Плотным кольцом они окружили гостиницу. Хозяин, кусая губы, тихо сказал мне: «Говорят, что в гостинице находится анархист с бомбой».

Я позвонил в психиатрическую лечебницу. Не прошло и получаса, как подъехали несколько сильных мужчин оттуда. Услышав историю превращения богато-промышленника в сумасшедшего, они тоже пожалели его. Я проводил их к его комнате. Прежде, чем войти, они спросили: «А сопротивляться не будет?» Я ответил: «Вряд ли» и вошел в комнату. Промышленник как будто ждал меня. Со словами «Благодарю за посещение!» он громко рассмеялся. Он продолжал смеяться страшным смехом и не оказывал никакого сопротивления, когда его окружили четверо мужчин и загрузили в машину. Полицейские и офицеры тоже выразили свое сочувствие, провожая машину глазами. Через час из полицейского управления пришел приказ обыскать его комнату. Офицер, обыскивавший багаж промышленника, изучив его содержимое, понял, что это и был известный американский анархист, которого они искали. Тут все полицейское начальство словно обезумело и помчалось в психиатрическую лечебни-

цу, но было уже поздно. Американец, который не оказал никакого сопротивления и спокойно отправился в больницу, как только вышел из машины, вежливо извинился перед ничего не понимающими санитарями и стремительно убежал.

Один полицейский сказал, что я намеренно дал ему убежать, но это были лишь слова.

3.

Хотя молодой господин и улыбается, но с того времени я чувствовал тревогу, сильную тревогу, это было невыносимо. С того времени я утратил мужество действовать. Я как будто все время был в ожидании пожара. Только сумасшедший мог сказать что-то о всемирном пожаре. Но мне было все равно тревожно, очень тревожно, я не знал, что делать. Но что с вами, молодой господин? Почему вы так сжали мою руку?

Почему вы так смотрите на меня? Что? Мы...

Вы говорите, что мы должны попробовать устроить поджог? Где? Во всем мире?

Эй, молодой господин, что случилось? Болит голова? Эх, никогда не знаешь, как реагировать на слова молодого господина. Однако, что с голосом? Вам не слышно?

Это... колокольный звон? О, действительно колокольный звон!

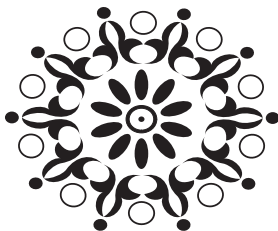
Пожар! Пожар!

Давайте откроем окно и посмотрим, откроем пошире...

О, какое зарево... Пожар сильный...

Где? На западе есть, а на севере? А здесь еще темно?
Ой, молодой господин, вы опять схватили меня за руку.
И почему опять так смотрите на меня? Что вы говорите?
Дошло и до нас? Что дошло до нас? Эх, никогда не зна-
ешь, как реагировать на слова молодого господина. Что
же делать в такую страшную ночь?..

(перевод на китайский – Лу Синь)

Башня, построенная для того, чтобы упасть

1.

Где-то на земле, когда небо было серым, жили два благородных господина. Одного звали Великий свет Юга, а другого – Великий свет Севера. По прихоти загадочной судьбы они стали соседями. И из-за благосклонности слепого случая они оба стали самыми богатыми господами в той стране. И так как они оба были высокомерными и заносчивыми, они завидовали друг другу и ненавидели друг друга. Если бы они были псами, то точно набросились бы один на другого и зубами бы отстаивали свой авторитет. Если бы они были китайскими генералами или губернаторами, то точно начали бы воевать друг с другом, показывая свое могущество подчиненным и глупость – всем остальным. Если бы они были европейскими политиками, то своим коварством, притворством, подлостью потрясли бы весь мир. Но, к счастью, Великий Свет Юга и Великий Свет Севера не были ни псами, ни китайскими генералами, ни европейскими политиками, они были всего лишь самыми богатыми людьми в своей провинции. Они так ненавидели друг друга, что, например, Великий Свет Юга даже не смотрел в сторону поместья соседа, а голову поворачивал в ту сторону, только если собирался плюнуть. А что до Великого Света Севера, то

он считал, что даже плевать и то не стоит усилий. Такие они были богатые и высокомерные.

У Великого Света Юга была дочь по имени Цветок Южного Сада, а у Великого Света Севера был сын, которого звали Выдающийся господин Северного Неба. Великий свет Юга никогда не видел и не хотел видеть сына соседа, но в разговоре всегда называл его «Чудовище Мира». А Великий Свет Севера тоже никогда не видел и не хотел видеть дочь соседа, но часто называл ее «Калека Мира». Вот такими богатыми и благородными они были.

Простые люди, проходя мимо усадьбы Великого Света Юга, имя его владельца произносили громко, а имя его соседа – шепотом. А, проходя мимо поместья Великого Света Севера, сельские жители почтительно смотрели на него и высоко задирали нос, будто чужали запах жареного мяса, но при взгляде на соседский дом на их лицах появлялось насмешливое выражение. Великий Свет Юга радовался, когда слышал, как громко произносят его имя, он думал, чтобы сельчане считают его более богатым и благородным, чем его соперника. А Великий Свет Севера думал так же и также радовался. О, какие же они тактичные, эти сельчане, они понимали, где и когда надо польстить, а где и над чем насмеяться!

2.

Хотя Великий Свет Севера называл дочь соседа «Калека Мира», на самом деле, она была красивой – красивее любой девушки, живущей по соседству. И сын Великого

Света Севера тоже был красив. А так как они оба были единственными детьми своих родителей, поэтому обучение и забота о них были лучше, чем о детях других знатных семей.

С колыбели они уже научились любить только себя, презирать простой народ, ненавидеть труд и рабочих, командовать и повелевать всем и вся. О, они были высокомерными и величественными господами, славой народа!

Однажды Цветок Южного Сада захотела хотя бы одним глазком взглянуть на Выдающегося господина Северного Неба. Она тайком подошла к стене, разделявшей два поместья. Именно в тот день и Выдающийся господин Северного Неба вспомнил, что тоже хотел бы взглянуть хотя бы одним глазком на эту «Калеку Мира», и он тайком подошел к стене, разделявшей два поместья. И в этот момент она увидела его – какой он красивый, благородный, высокомерный, презирающий всех и вся. И он увидел ее – прелестную и изящную, высокомерную, привыкшую повелевать всеми.

С этого момента Цветок Южного Сада не могла больше спокойно спать. Эх, если бы он был простым деревенским юношей, то она точно знала бы, как поступить и что делать; она знала бы, как заставить его возить ее в маленькой, красивой коляске, как качать ее гамак, она, несомненно, знала бы, как заставить его обмахивать ее веером из павлиньих перьев, как петь для ее или рассказывать занимательные истории. А когда он надоел бы ей, она, несмотря на свой юный возраст – ей было всего семнадцать лет, знала бы, как вышвырнуть его вон. Да, если бы он был простым деревенским юношей, то она точно знала бы, как поступить и что делать, но как же быть в этой ситуации? Он действительно «Выдающийся

господин Северного Неба», и она теперь не могла спокойно заснуть.

И «Выдающийся господин Северного Неба» тоже не мог спокойно спать, не мог больше беззаботно веселиться и играть; он бродил по саду, думая о ней, вспоминая ее. Эх, если бы она была простой деревенской девушкой, хотя ему и было всего семнадцать, он знал бы как поступить и что делать; он точно знал бы, как заставить ее смеяться или просто улыбаться, как заставить восхищаться им, да, он знал бы, как заставить ее делать многое другое. А если бы она наскучила ему, он бы знал, как отослать ее домой в деревню. Да, тогда бы он прекрасно знал, как показать свое благородное происхождение. Но Цветок Южного Сада вовсе не была простой деревенской девушкой, и он все бродил туда-сюда по своему саду, думая о ней, вспоминая ее, и больше не мог спокойно заснуть.

3.

Вскоре Великий Свет Юга умер, умер, несмотря на свое бесчисленное богатство и безграничное высокомерие. А вслед за ним последовал и его сосед. Смерть действительно не разбирает: будь ты богат и благороден, все равно придет твой день, как и у самого нищего кули. С этой точки зрения люди могут подумать, что боги на небесах крайне демократичны, может быть даже слишком демократичны. Великий Свет Севера положили в красивый серебряный гроб, похоронная процессия была величественная. Люди, провожавшие гроб плакали, горевали,

вид у них был безутешный. После окончания траурной церемонии всех одарили деньгами – по звучности рыданий, по глубине горя, и на поминках у всех глаза были полны слез, а бокалы – прекрасного вина.

Великий Свет Севера положили в золотой гроб, похоронная процессия была еще более величественной, и так как все только что уже натренировались рыдать и горевать, а также безудержно пить на поминках, то сейчас все рыдали еще громче, скорбели еще более безутешно, и на поминках было потрачено денег вдвое больше. Да, простой народ знал, как именно надо оплакивать своих господ и как скорбеть о них!

4.

Теперь Цветок Южного Сада осталась одна со своим наследством. Она, как и все богатые люди мира, и даже, возможно, и любого другого мира, умела любить только себя, и как и любая женщина мира мечтала о красивой одежде, украшениях и замужестве. Да, она думала о нем, и даже не могла заснуть, всё размышляя, как сделать его своим мужем. Тогда она сказала себе: «Мне надо построить огромный дворец из белого мрамора, только так я заставлю его восхищаться моим богатством. И тогда можно будет не бояться, что он не придет просить моей руки!» Прошло немного времени, и был возведен огромный, величественный дворец из белого мрамора. Люди называли его «Белое Чудо Юга».

Выдающийся господин Северного Неба, увидев этот дворец, вдруг подумал: «Я должен заставить ее уважать

мое богатство, иначе она никогда не согласится прийти ко мне». И тогда он построил дворец, который был намного выше дворца Цветка. Его дворец был построен из голубого мрамора, после окончания всех работ, он стал похож на чудо, появившееся из голубых вод моря, и поэтому люди нарекли его «Голубое чудо Севера». И потом они говорили, что дворец Цветка Южного Сада красив, но дворец Выдающегося господина Северного Неба красивее во сто крат.

Благородная девушка днем гневалась, а ночью печалилась. Она сказала себе: «Мне надо создать сад с озером, фонтанами вокруг него и прохладным, свежим воздухом. Да, я очарую его...» Тогда она наняла садовников отовсюду, и они приступили к работе.

Никто и никогда не видел сада, прекраснее этого. В атмосфере радости ласковый ветерок играл с оборотительными цветами, в рощице, наполненной восхитительными ароматами, пела любовную песнь иволга, вода из фонтанов из светлого мрамора журча, желала счастья, в чистых водах озера в виде сердечка днем купалось солнце, а ночью отражались звезды и луна. Поэтому озеро называли «Прекрасный сон Южной ночи».

Тогда Выдающийся господин Северного Неба подумал: «У нее такой огромный сад, она никогда не придет ко мне». Тогда он созвал отовсюду вдвое больше садовников, и вскоре был построен новый сад – больше и прекраснее. Цветы и деревья в нем были удивительными, воздух, фонтаны и озеро – прекраснее и милее. Все говорили, что сад Цветка исключительно красив, но он – ничто по сравнению с садом Выдающегося господина. Новый сад люди нарекли «Райская обитель Северного Мира».

Все, кто видел этот сад, чувствовали радость, непрерывно восхищались им, но сам хозяин сада не испытывал радости. В его саду фонтаны из светлого, белого мрамора безостановочно желали счастья, иволга пела любовную песнь в роще, наполненной чудными ароматами, в чистых водах озера в виде сердечка днем отражалось солнце, а ночью – звезды и луна. Но хозяин этого великолепия лишь тяжело вздыхал и ни минуты не чувствовал радость.

Тогда Цветок Южного Сада сказала себе: «Мне надо построить башню высотой в сто метров, я смогу оттуда смотреть на свой сад и восхищаться «Райской обителью Северного Мира». Вскоре башня была построена. Так как высотой она была ровно сто метров, люди придумали ей название «Путь к Южным Звездам».

Выдающийся господин Северного Неба, увидев эту башню, подумал: «Она не придет ко мне, если только я не построю башню выше, чем ее». Тогда он построил башню высотой двести метров, люди называли ее «Путь к Северным Звездам».

5.

Пока они строили свои дворцы, разводили прекрасные сады, возводили высокие башни, шли долгие годы. Когда была закончена башня «Путь к Северным Звездам», у них уже было много седых волос, однако счастье было так же далеко, как и прежде. Однажды вечером Цветок Южного сада грустно стояла на вершине своей

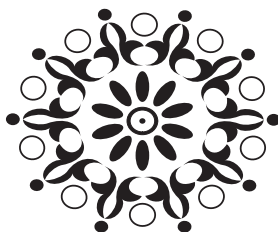
башни, глядя на многочисленные звезды на небосводе. И вдруг она увидела, как самая прекрасная звезда падает вниз. Она вскрикнула и протянула руку, чтобы спасти падающую звезду, но оступилась и упала вниз со своей стометровой башни. В «Райской обители Северного мира» произошло то же самое: Выдающийся господин Северного Неба стоял на своей двухсотметровой башне и тоже смотрел в небеса. Он тоже увидел, как падает вниз самая прекрасная звезда. Он тоже вскрикнул и попытался рукой спасти падающую звезду, но также оступился и упал вниз с башни высотой двести метров.

В «Прекрасном сне Южной ночи» люди справили поминки по Цветку Южного сада, а в «Райской обители Северного мира» – по Выдающемуся господину Северного Неба. Цветок Южного сада похоронили в «Прекрасном сне Южной ночи», а Выдающегося господина Северного Неба – в «Райской обители Северного мира». В этих садах вода из фонтанов из светлого мрамора журча, желала счастья, иволга пела любовную песнь в роще, наполненной чудными ароматами, радостный ласковый ветерок играл с обворожительными цветами, в чистых водах озера в виде сердечка днем отражалось солнце, а ночью – звезды и луна.

Цветок Южного Сада и Выдающийся господин Северного Неба не были первыми. В мире много таких, как они, – людей, которые пожертвовали своей молодостью и жизнью, чтобы возвести высокие башни, всего лишь затем, чтобы самим упасть с них, людей, которые построили огромные дворцы, всего лишь затем, чтобы там по ним справили поминки, людей, которые развели прекраснейшие сады, всего лишь затем, чтобы их похоро-

нили там. Многие точно также принесли в жертву свою молодость и жизнь, и я сам был одним из них. Я тоже когда-то возвел высокую башню, а потом упал с нее вниз. Я тоже построил дворец, а потом сжег его. К счастью, падая с башни, я не погиб, и когда горел дворец, я выжил. Вы можете угадать причину этого? Если нет, то я расскажу вам: все эти дворцы и башни, по крайней мере, в этот раз, были созданы из воздуха.

(перевод на китайский – Ху Юйчжи)

Содержание

Предисловие	4
Один рассказ о моей школьной жизни	5
Тесная клетка	19
Горе рыбки	37
У пруда	48
Сердце орла	55
Сон в весеннюю ночь	67
Странный кот	90
Две смерти	98
Ради человечества	105
Страна Радуги	122
Мировой пожар	130
Башня, построенная для того, чтобы упасть	139

Литературно-художественное издание

Ерошенко Василий Яковлевич

Книга СКАЗОК

Тех. редактор: Е.К. Слабский

Корректор: Е.В. Петрунова

Подписано в печать .2014 г. Формат 60x84. Объем 9,25 п.л.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г/м², мелованная 115 г/м².
Тираж 800 экз. Заказ 10214.

Издательство «КОНСТАНТА»
308023, г. Белгород, ул. Менделеева, 6

Отпечатано в типографии «КОНСТАНТА»
308023, г. Белгород, ул. Менделеева, 6. Тел./факс (4722) 300-720